

ПУБЛИКАЦИИ

Г. А. Замятин

ВЫСТУПЛЕНИЕ НОВГОРОДЦЕВ ПРОТИВ ПЕРВОГО ЦАРЯ ИЗ ДОМА РОМАНОВЫХ В 1613 ГОДУ

Во 2-й части «Собрания государственных грамот и договоров (№ 284. С. 601–603), издававшегося еще в начале XIX столетия, напечатан любопытный документ, которому редактор, А. Малиновский, дал такой заголовок: «Отрывок Наказа, данного от Новгородскаго Митрополита Исидора и от Боярина и Воеводы Князя Ивана Никитича Одоевскаго отправленным из Новагорода Посланникам: Игумену Дионисию и Дворянам Новокщенову, Лутохину и Секерину для убеждения собравшихся под Москвою Бояр и Воевод к признанию избраннаго в Великом Новгороде Шведскаго Королевича Карла Филиппа Царем всея России. Писан 1612, в Августе». Документ не имеет начала, неточно датирован, не совсем правильно передано в заголовке его содержание. Неудивительно поэтому, что он не привлекал внимания специалистов по истории СССР. Между тем этот документ неопровержимо свидетельствует об активном выступлении части жителей Новгорода Великого против первого царя из дома Романовых, Михаила Федоровича. Насколько известно, в исторической литературе об этом выступлении новгородцев не упоминается. В настоящей заметке мы намерены несколько осветить этот эпизод.

Посмотрим прежде всего, что представляет собой интересующий нас источник: подлинник или копию. Оригинала в нашем распоряжении нет; мы пользуемся «Собранием государственных грамот и договоров». Редактор 2-й части указанного издания, А. Малиновский, сделал к наказу следующее добавление: «Отрывок сего Наказа писан на столбце, на шести небольших листах, по склейкам коих подписано:...нь Лутохинь, Григорей Исаевъ; приложенные же

две восковые печати искрошились». Не воспроизведенное редактором имя Лутохина легко восстановить: Семен. Его подпись мы встречаем под приговором новгородцев 27 июля 1613 г. об отправлении архимандрита Киприана с товарищами в Выборг: «Новгородсково государства дяк Семен Лутохин»¹. Лутохин занимал должность дьяка в Новгороде в течение нескольких лет. Подписи его встречаются под документами даже 1616 г.²

Внешний вид документа («писан на столбце», Г. 3.), подпись новгородского дьяка, наконец, две восковые печати (митрополита и воеводы Одоевского., Г. 3.), все это заставляет думать, что в руках у А. Малиновского был подлинник наказа; на каком основании С. К. Богоявленский и И. С. Рябинин утверждают, что наказ «напечатан с копии XIX века»³, сказать затрудняемся. С другой стороны, в наказе, как увидим ниже, нет никаких анахронизмов или несообразностей, что могло бы вызвать сомнение в его подлинности.

Начала наказа недостает, однако его можно до известной степени восстановить. Сравнивая текст наказа Дионисию с товарищами с текстом приговора об отправлении Киприана в Выборг 27 июля 1613 г., мы видим, что наказ, начиная со слов «А Ноугородского государства послы Архимарит Никандр» и кончая словами «пришел (разумеется Карл Филипп., Г. 3.) в Выбор июля в 9 день», воспроизводит с незначительными изменениями текст приговора 27 июля 1613 г.⁴; заимствовано 30 строк. Начальная фраза отрывка наказа Дионисию: «...совершение, что Свейскому королевству и Росийскому государству меж себя быти в любве и в дружбе, а Полским бы и Литовским людем быти из Руские земли изгнанным» представляет почти буквальное повторение текста грамоты Густава II Адольфа новгородцам 12 июня 1613 г., привезенной в Новгород Овсеєм Рязановым 16 июля 1613 г.⁵ Позволительно думать,

¹ Приговор митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов об отпуске в Выборг уполномоченных для предложения шведскому принцу Карлу Филиппу новгородского престола. 1613, июля 27 // ДАИ. СПб., 1846. Т. 2, № 4. С. 5–8.

² Отписка шведского воеводы Анца Боя и дьяка Семена Лутохина Осташковскому воеводе Борису Кокореву о пропуске в Москву гонца с поручением шведского правительства к английскому послу Мерику. 1616, март // ДАИ. Т. 2, № 46. С. 77; Дело о пропуске сыном боярским Федором Бестужевым посадских людей из Новгорода мимо поставленной в Славянских воротах заставы. 1616, апрель–май // ДАИ. Т. 2, № 47. С. 82.

³ Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля, 1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. М., 1915. С. XIV.

⁴ ДАИ. Т. 2, № 4. С. 6, второй столбец.

⁵ Шведский король в грамоте предписывал: не только отправить послов из Новгорода в Выборг к Карлу Филиппу, но «однолично сослаться ко Владимирскому и Московскому государству, и иным государствам Русийского царствия, и их пону-

что в утраченной части наказа Дионисию было воспроизведено содержание грамоты Густава II Адольфа в Новгород 12 июня 1613 г.

Попытаемся теперь установить точно время написания наказа. А. Малиновский отнес наказ к августу 1612 г. Год А. Малиновским указан неверно. В наказе говорится, что королевич Карл Филипп 4 июля прибыл «в Финскую землю на Барсунт», а 9 июля, в Выборг. Из ряда русских и шведских источников известно, что прибытие [королевича состоялось в] 1613 г. В грамоте 15 июня 1613 г. из Стокгольма Густав II Адольф пишет Делагарди, что его брат, герцог Карл Филипп, должен в самом скором времени отбыть в Выборг (Wy hafve någre reesor genom våre schrifwelszer lathidt i der Her Jcob De La Gardie nådeligen förnimme, att vår käre Broder Högborne Furste Hertigh Carl Philiph sculle med thet snaraste her ifrå och åhr i Wiborgh afferdigett blifve⁶).

Инструкция короля шведским комиссарам для ведения переговоров с русскими в Выборге об избрании Карла Филиппа царем дана была в Стокгольме 17 июня 1613 г.⁷; наконец, приговор об отправлении посольства из Новгорода в Выборг к прибывшему туда шведскому королевичу составлен «121 года июля в 27 день», другими словами, 27 июля 1613 года⁸.

В работах Галленберга⁹, Г. В. Форстена¹⁰, наконец, в новейшем издании шведского генерального штаба (Sveriges krig 1611–1632)¹¹ путешествие Карла Филиппа в Выборг и переговоры, имевшие там место, относятся к 1613 году.

жати, чтоб також их полномочные послы ту (в Выборг., Г. 3.) наготове были и нашего величества с послы учинили доброе совершение, чтоб вам всем быти вкупе в соединение и в тишине, и хрестьянское кровопролитие бы престало, а **Свейскому бы королевству и Русской земле меж себя быти в любви и в дружбе, а вашим бы недрузем, Полским и Литовским людем быти из вашии земли изгнанным**». Современный рус. пер. см.: Грамота шведского короля Густава Адольфа Новгородским чинам об отъезде брата его Карла Филиппа из Стокгольма в Выборг, с требованием высылки туда послов... 1613, июня 12 // ДАИ. Т. 2, № 3. С. 5. Заимствованные в наказе выражения из грамоты короля выделены жирным шрифтом.

⁶ Кордт В. А. Из семейного архива графов Делагарди // Учен. зап. Юрьев. ун-та. 1894, № 2. С. 3.

⁷ Кордт В. А. Из семейного архива графов Делагарди. С. 94. Не вполне точный перевод этой инструкции напечатан в «Действиях Нижегородской губ. ученой архивной комиссии»: Сб. Т. 14. С. 4–18.

⁸ ДАИ. Т. 2, № 4. С. 6.

⁹ Hallenberg J. Svea Rikes historia under konung Gustaf Adolfs den Stores regering. Stockholm, 1793. В. 3. Cap. XV.

¹⁰ Форстен Г. В. Политика Швеции в смутное время // ЖМНП. 1889. Кн. 10. С. 167 и далее.

¹¹ Sveriges krig 1611–1632. Stockholm, 1936. В. I. S. 425 и след.

Если путешествие в Выборг Карла Филиппа относится к 1613 г., то ясно, что наказ Дионисию и дворянам, отправленным из Новгорода в Москву, должен быть датирован 1613, а не 1612 г.¹²

Можно еще точнее определить время составления наказа, указать месяц и число. А. Малиновский справедливо относит наказ к августу месяцу. В подтверждение следует привести такие данные. В наказе не только упоминается об отправлении из Новгорода в Выборг к шведскому королевичу посольства во главе с архимандритом Хутынского монастыря Киприаном, но даже имеются, как мы видели, заимствования из приговора об отправлении посольства. Приговор об отправлении Киприана с товарищами в Выборг составлен, как указано выше, «121 года, июля в 27 день», т. е. 27 июля 1613 г. Бесспорно, что наказ лицам, отправленным в Москву, был составлен не ранее 27 июля. Мало этого. В наказе говорится, что «Августа в 6 день в Новгородское ж государство пригонил из Выборга... Курап Мякинин»¹³. Вывод отсюда может быть один: наказ составлен **после 6 августа**. Так определяется *finte guet*. Определить *post guet* помогает письмо Делагарди королю 14 сентября 1613 г. В этом письме Делагарди сообщает, что «бояре (дворяне?, Г. 3.), которые самое позднее **пять недель перед этим** посланы с увещательным письмом отсюда из Новгородского государства к московским чинам, еще задерживаются в Торжке (dhe Bayorer, som senest för fäm weckur sedhan medh förmaningz bref här Ifrån thet Näugorodsche Herskapet till dhe Muschousche Stender sendes, änu ud Torsiok opholdre¹⁴).

Думаем, что в письме Делагарди речь идет о посольстве игумена Дионисия с дворянами, так как ни о каком другом посольстве в августе–сентябре 1613 г. из Новгорода в Москву не известно. Из письма Делагарди 14 сентября 1613 г. видно, что посланные в Москву дворяне отправлены были «пять недель» тому назад, другими словами, не позднее 10 августа 1613 г.

¹² Мысль о неправильности даты наказа, высказанная нами без особых доказательств в одной из ранних работ, была принята С. К. Богоявленским и И. С. Рябининым. См. изданный под их редакцией сборник «Акты времени междуцарствия». М., 1915. С. XIV; Недавно мысль об ошибочности датировки наказа Дионисию была повторена В. А. Фигаровским в работе «О грамоте Новгородского правительства в Москву в 1615 г.» // НИС. Л., 1937. Вып. 2. С. 68. Примеч., но автор не считает нужным ссылаться на своих предшественников.

¹³ Отрывок Наказа, данного от Новгородскаго Митрополита Исидора и от Боярина и Воеводы Князя Ивана. Никитича Одоевскаго отправленным из Новагорода Посланникам: Игумену Дионисию и Дворянам Новокшенову, Лутохину и Секедину ... // СГГД. СПб., 1819. Т. 2, № 284. С. 601.

¹⁴ Письмо Делагарди королю 14 сентября 1613 г. в библиотеке университета в Юрьеве (ныне Тарту в Эстонии), в архиве Делагарди. Т. А. С. 823–824.

В итоге мы получаем следующее: наказ игумену Дионисию с дворянами составлен между 6–10 августа 1613 года. К этому сроку надо отнести и самое отправление посольства из Новгорода в Москву. Совсем не лишнее тут припомнить, что 11 июля 1613 г. в Москве совершилось венчание на царство Михаила Романова. Выходит, что посольство из Новгорода в Москву было отправлено спустя месяц после коронования царя Михаила.

С каким же поручением ехало посольство из Новгорода в Москву? Присягать Михаилу Романову? Анализ покажет, что о присяге царю Михаилу в Новгороде не думали, совсем наоборот...

Приступим к анализу. На наш взгляд, данные новгородскому посольству поручения можно свести к пяти пунктам. Игумен Дионисий с дворянами должны были:

1) сообщить о прибытии шведского королевича 9 июля в Выборг и об отправлении «от Ноугородского государства» в Выборг послов, архимандрита с товарищами, побудить Московского государства людей вспомнить «прежний свой с Ноугородцким государством совет и присланной свой приговор за руками» и отправить в Выборг полномочных послов от «Московского государства и от всех государств Российского царствия» для заключения договора; говоря о Карле Филиппе, послы должны были выставить все достоинства шведского королевича (происхождение от «благочестивого корене», воспитание в страхе божием, храбрость, привычку к смирению, природное милосердие, «великий» разум и т. д. К слову сказать, Карлу Филиппу в 1613 г. исполнилось лишь **10 лет.**, *Г. З.*);

2) добиться, чтобы Федор Боборыкин был отпущен обратно в Новгород и чтобы московские люди с Ф. Боборыкиным отписали и «на все статьи на прежние листы и на нынешней» дали «отповедь вскоре, чтоб Новгородцкому государству ведомо было, чево от Московского Государства и от всех государств Росийского царствия чаяти»;

3) третье поручение необходимо передать словами источника. «И им бы, всех чинов людем Московского Государства, видя над Российском государством милость Вседержителя Бога и слыша Великого Государя нашего (!., *Г. З.*) Королевича, просветлейшего и высокорожденного Великого Князя Карлуса Филиппа Карлусовича приход в Выбор, недобрый людем, которые ещо омрача очи своею кровию Христьянскою, от такова обычая, якож и преж имели, не отставают и их на тоже приводят, на последнюю погибель приводят не давати, и с Свейским Королевством бы такоже не ссоритися, как и с Полскими людами ссорилис, и на Государство Росийское его пресветлейшество с радостию хотети, занеж Крестьянское кровопролитие не может унятися, ащели не Государьским сыном; а иногоб Государя на Государство, опроче его пресветлейшества, не

обирати, чтоб за то кровь Крестьянская неповинная не лилась, но его государевым началом и владеньем в Российском государстве учинилась тишина и покои, и крови Крестьянской пролитие унялося, и от неприятелей своих от Полских и от Литовских людей получить бы свободу и жити бы всего Росийского Государства всяким людем под единым кровом великого Государя нашего Королевича пресветлейшего и высокорожденного Великого Князя Карлуса Филиппа Карлусовича в прежней своей чести и в отечестве»;

4) если московские люди не поверят ни послам, Дионисию с товарищами, ни грамотам Новгородского государства, если окажется, что они уже не ждут прибытия шведского королевича в Выборг, послы должны предложить москвичам послать от себя в Выборг к Карлу Филиппу «кого пригоже», и даже поцеловать крест; поклясться, что «никакого задержанья» посланному из Москвы ни в Выборге, ни в Новгороде не будет;

5) заявить, что шведскому королевичу изменили «Бежицкие пятинны Самойло да Парфен да Богдашко Нарбековы, Богдан да Угрим Лупандины, Князь Юрьи Мещерской» и предупредить, если эти лица, приехав в Москву, «учнут сказывати какое дурно», чтобы им не верили, «потому что ни от каких крестопреступников государства не строятца, но больши разоряютца»¹⁵.

Считаем нелишним дать к изложенным поручениям небольшой комментарий. Что за «совет» с Новгородским государством и какой–то «приговор» должны были напомнить Дионисий с товарищами московским людям? Объяснение этому находим в грамоте новгородцев в Москву 1615 года¹⁶. «Приговор за руками», это приговор об избрании одного из сыновей шведского короля, Карла IX, московским царем, принятый «советом всея рати» 23 июня 1611 г. и присланный в копии, скрепленной подписями, в Новго

¹⁵ СГГД. Т. 2, № 284. С. 603.

¹⁶ Грамота полностью напечатана в «Новгородском историческом сборнике» Л., 1937. Вып. 2. С. 73–82. Мы частично использовали ее в работе «Новый Летописец» о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 г. // ЖМНП. 1914. № 3. Грамота, равно как и другие документы, касающиеся посольства архимандрита Киприана, Я. Боборыкина и М. Муравьева, еще в 1912 г. передана нами по рекомендации проф. С. Ф. Платонова в Археографическую комиссию для напечатания в одном из томов Русской исторической библиотеки, и эта передача запротоколирована. Судя по протоколам комиссии, дело подготовки к печати документов было поручено В. В. Майкову. Последний в заседании комиссии 13 февраля 1917 г. сообщил, что он сверил и приготовил большую часть документов. Однако документы не опубликованы. По наведенным мною справкам, летом 1939 г. в ЛОИИ АН СССР (ныне СПБНИИ РАН), правопреемнике Археографической комиссии, копий с моих документов не оказалось. Интересно знать, куда же они девались из такого авторитетного учреждения?

род с Иваном Баклановским 2 июля 1611 г.¹⁷ Список с грамоты и с приговора 1611 г. был привезен в 1612 г. из Новгорода в Ярославль. В отписке Земского собора из Ярославля в Новгород 26 июля 1612 г. читаем: «А каково у вас утверждение с Яковом Пунтусовым учинено, какову грамоту вы, великий господин Исидор митрополит, да боярин и воевода князь Иван Никитич Одоевской, и всякие люди, королевского величества воеводе Якову Пунтусовичю Делегарду дали, и какову грамоту вам королевской воевода Яков дал, и с тех грамот списки и список с грамоты и с приговору, какову грамоту и приговор мы бояре и воеводы писали к вам ис под Москвы, к нам прислали»¹⁸. Имея в руках приговор «совета всея рати» об избрании одного из сыновей Карла IX царем, новгородцы и заключили 25 июля 1611 г. договор с Делагарди, хотя на это новгородцев «совет всея рати» не уполномочивал (уполномоченными совета был В. Бутурлин., *Г. 3.*). Новгородские посланные игумен Геннадий с товарищами прямо указали на это на заседании Земского собора в Ярославле 26 июня 1612 г.: «...и Митрополит, и боярин и воеводы, и всяких чинов люди служивые и земские, **по тому советному списку и приговору, что прислан из-под Москвы от бояр и воевод, с Яковом Пунтусовым договор учинили**»¹⁹.

Под «советом» следует разумеать сношения Ярославского Земского собора и Временного земского правительства с Новгородом в 1612 г. Вспомним, что по вызову из Ярославля приезжали из Новгорода игумен Геннадий с товарищами. Д. М. Пожарский и собор вели с посланными из Новгорода переговоры об избрании Карла Филиппа царем кончившиеся, впрочем, безрезультатно²⁰. Мы настаиваем

¹⁷ Наиболее полное изложение обстоятельств, при каких был составлен приговор, находим в работе Helge Almquist «Sverige och Russland 1595–1611», Uppsala, 1907. Гл. I. Некоторые дополнения к сказанному Альмквистом сделаны нами в диссертации, защищенной публично в 1921 г., но ненапечатанной. Много лет раньше об этом приговоре писали Н. Н. Бантыш-Каменский: «Обзор внешних сношений России (по 1800 г.)». М., 1902. Ч. 4. С. 143 и Я. И. Бердников // ЖМНП. 1841. Ч. 29. Отд. III. С. 60–63; См. также примечания ко 2 тому Дополнений к актам историческим. С. 3. Бердников прямо заявляет: «Мысль предложить Российскую корону шведскому принцу возникла в московских полках, где и состоялся о том приговор в июне или в начале июля 1611 года».

¹⁸ Отписка воеводы князя Дмитрия Пожарского и Ярославской земской думы Новгородскому митрополиту Исидору о намерении их жить в неразрывном союзе с новгородцами и о посылке в Новгород дворян Порфирия Секерина и Федора Шишкина // ДАИ. СПб., 1846. Т. I, № 164. С. 288.

¹⁹ Отписка Устюжан к Вычегодцам в июле 1612 г. Переговоры Пожарского с новгородцами. Речи новгородских посланников игумена Геннадия Николы Чудотворца Вяжицкого монастыря, кн. Ф. Т. Черного-Оболенского. Список. 1612 г. // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2, № 210. С. 268.

²⁰ ААЭ. Т. 2, № 210. С. 266–270.

ваем, что инициаторами связи с Новгородом были собравшиеся в Ярославле бояре, воеводы и другие люди. В грамоте 10 июня 1612 г. в Тобольск собравшиеся в Ярославле пишут: «...посылали мы, господа (а не «писали нам»., Г. З.), в Великой Новгород к митрополиту Сидору, да и к боярину и к воеводе князю Ивану Микитичю Одоевскому, и к дворяном и к дитем боярским, и к гостем, и посадцким и всяким людем Ноугородцкого государства, дворяной (дворян?, Г. З.) розных городов Степана Татищева с товарищи»²¹. Мы и теперь, несмотря на возражения В. А. Фигаровского, утверждаем, что «не Новгород потянулся к Ярославлю, а наоборот»²².

Вспомним далее, что Ярославский собор отправил с Порфирем Секериним в Новгород грамоту, в которой заявлял: «...мы и ныне того своего приговору держимся», другими словами, остаемся верными решению «совета всея рати» 1611 г. выбрать царем шведского королевича²³. Вспомним, наконец, что в отписке, посланной с Богданом Дубровским 15 ноября 1612 г. и привезенной в Новгород 19 января 1613 г., Временное земское правительство, извещая о победе над поляками и о взятии Москвы, просило новгородцев «наскоро» уведомить о прибытии Карла Филиппа в Новгород и обещало послать туда своих полномочных послов «с полным договором о государственных и земских делах»²⁴.

Понятно поручение относительно Федора Боборыкина. Ф. Боборыкин, бывший вместе с послами из Новгорода в Швеции, выехал из Стокгольма в Новгород не ранее 22 октября 1612 г. с грамотой Густава II Адольфа, в которой последний изъявлял согласие отпустить своего брата Карла Филиппа в Выборг для переговоров об избрании царем. 26 декабря того же 1612 г. Ф. Боборыкин был отправлен Деллагарди в Москву с грамотой к московским и владимирским властям. В Москву Ф. Боборыкин приехал не позднее 22 января 1613 г. и был хорошо принят: сохранилась память от 19 марта 1613 г., что должны были давать на прокорм Ф. Боборыкину в

²¹ Окружная грамота военачальника князя Дмитрия Михайловича Пожарского в Сибирские города. 1612, июня 10 // СГГД. СПб., 1819. Т. 2, № 282. С. 598–599.

²² См. цит. работу В. А. Фигаровского в НИС. Новгород, 1937. Вып. 2. С. 67. В. А. Фигаровскому неизвестны рукописные материалы на шведском языке, да и русские источники им изучены далеко не исчерпывающим образом.

²³ ДАИ. Т. 1, № 164. С. 288.

²⁴ Отписка воевод князей Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского и государственной земской думы Новгородскому митрополиту Исидору о поражении гетмана Ходкевича, об очищении Китая и Кремля города от поляков и созвании в Москву выборных земских чинов для избрания государя. 1612, ноября 15 // ДАИ. Т. 1, № 166. С. 291–294.

Москве²⁵. После воцарения Михаила Романова отношение к Ф. Боборькину, видимо, изменилось, и он был задержан в Москве. 28 июня 1613 г. из Москвы бежал неизвестный по имени слуга Ф. Боборькина к родственникам последнего и сам сообщил любопытные сведения о происходящем в Москве²⁶.

Третье поручение, приведенное нами дословно, частью повторяет уже ранее высказанные новгородцами мысли. Еще в грамоте, присланной из Новгорода в Москву с Богданом Дубровским 6 октября 1612 г., митрополит Исидор писал, чтобы Московское государство было с Новгородским «под единым кровом государя королевича Карлуса Филиппа Карлусовича»²⁷. Таким образом, агитация за избрание царем шведского королевича, не новость. Примечательно то, что новгородские посланные, игумен Дионисий с дворянами, должны были вести агитацию за избрание только одного Карла Филиппа («иног б государя на государство опроче его пресветлейшества не обирати», *Г. З.*), притом в момент, когда на московском престоле сидел уже коронованный Михаил Романов. При таких условиях агитация за избрание Карла Филиппа превращалась в активное выступление против царя Михаила, являлась призывом к отпадению от него.

Четвертое поручение в комментариях не нуждается.

Зато пятое поручение требует объяснения. Мы имеем перечень «изменников» Карлу Филиппу. Куда же потянулись эти изменники? Этот вопрос может быть решен на основании биографических данных об этих лицах. К сожалению, мы располагаем данными лишь об Угриме Лупандине; они неполные, но все же дают возможность сделать определенные выводы. Для нас важна челобитная Угрима Лупандина царю Михаилу Федоровичу. Она не датирована, но по всем соображениям ее необходимо отнести к 1615 г.²⁸ В челобитной У. Лупандин сообщает, что «во 122-м (1614., *Г. З.*) году» он был послан от царя «за Онег х казаком головою»; «по государеву указу» ему велено было идти с казаками к боярину Д. Т. Трубецкому на Бронницы. Д. Т. Трубецкой с Д. И. Мезецким отправили Лупандина за реку Мсту в деревню Новоселицы и приказали ему поставить в деревне острог. У. Лупандин выполнил поручение. Построенный острог скоро был осажден отрядом шведского войска под начальством Самойла Кобринина (=Самуил Коброн., *Г. З.*). Осада продолжала-

²⁵ *Сухотин Л. М.* Первые месяцы правления Михаила Федоровича // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. С. 3. Другие сведения о Ф. Боборькине собраны нами в диссертации.

²⁶ Приложение к листу Делгарди от 3 августа 1613 г. // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 6. С. 22–23.

²⁷ ДАИ. Т. 1, № 166. С. 293.

²⁸ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1615 г., № 11.

лась пять недель. Когда Д. Т. Трубецкой после поражения от шведов в июле месяце 1614 г. отступил от Бронниц, Лупандин с казаками сдался шведам. Коброн увез Угрима с собою в Ругодив. Лупандину грозила высылка в Швецию, но в то время в Ругодиге случился князь Иван Иванович Одоевский (сын новгородского воеводы., Г. З.) и другие дворяне. Угрима отдали дворянам на поруки: «*мне*, пишет Лупандин, за их порукою жити в Нове городе, к **Москве не отъехать**». По словам Лупандина, живя в Новгороде, он «радел» царю. Видимо, за то, что Лупандин сдался шведам, его поместье по доносу Федора Левашова было отписано на государя. Лупандин просит в челобитной не отнимать у него поместье.

Сведения, сообщенные Лупандиным, частью подтверждаются другими источниками. Воевода Тихвина Федор Плещеев извещал царя, что «голова Угрим Лупандин» приехал в Тихвин 21 февраля 1614 г., и его послали «на Пашу» к казакам. Но казаки пошли с государевой службы «с Паши врознь в Заонежские погосты», так что Лупандин их не нашел на месте, он поехал за казаками²⁹.

О деятельности Лупандина в бытность в Новгороде мы имеем сведения, не совпадающие с его показаниями. Выходец из Новгорода Юрий Третьяков сын Копнин в расспросе на Москве показал, что Угрим Лупандин поцеловал крест шведскому королю вместе с другими³⁰. Возможно, это сделано было по принуждению. В дальнейшем Лупандин стал «радеть» царю вместе с Яковом Боборыкиным. Вместе с последним Лупандин перебежал к московским послам, Д. И. Мезецкому с товарищами. Это произошло 21 января 1616 г.³¹ Приведенных данных достаточно, чтобы сделать определенный вывод: измена Угрима Лупандина шведскому королевичу выразилась в том, что он перешел на службу к московскому царю; Лупандин, сторонник московской ориентации.

Так как другие упомянутые в наказе новгородцы поставлены на одну доску с Лупандиным, то можно, не боясь впасть в ошибку, и их считать сторонниками московской ориентации. Мы встречаем подпись «Парфеней Нарбеков» под приговором новгородцев об отправлении посольства из Новгорода в Выборг 25 декабря 1611 г.³²

²⁹ Отписка воевод Ф. Плещеева и В. Неплюева об отсылке ими по государеву указу на Пашу к Тихвинским сидельцам атаманам и казакам в головы Угрима Лупандина. 1614, март // АМГ. СПб., 1890. Т. 1: (1571–1634), № 69. С. 106.

³⁰ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1615 г., № 10.

³¹ Там же. № 12.

³² Приговор Новгородских митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов об отпуске в Стокгольм Юрьевского архимандрита Никандра с уполномоченными для предложения российского престола одному из шведских принцев, Густаву Адольфу или Карлу Филиппу. 1611, декабря 25 // ДАИ. Т. 1, № 162. С. 283–285.

Полагаем, что это тот самый Парфен Нарбеков, о котором идет речь в наказе Дионисию с товарищами. Подпись показывает, что Нарбеков в 1611 г. принимал участие в деле отправления посольства к Карлу IX, стоял за шведского королевича. Что заставило Нарбекова в 1613 г. повернуть фронт, сказать не можем. Любопытно, что Парфен выступает в 1613 г. не один, а вместе с Самойлом и Богданом, видимо, братьями или родственниками. Добавим еще, что известна поручная запись двадцати семи новгородских помещиков от 20 ноября 1613 г. по женам, сыновьям и матерям изменивших Карлу Филиппу Лупандиных и Нарбековых; помещики ручаются, что родные Лупандиных и Нарбековых никуда из Новгорода не выедут, а в Новгороде не будут вести «смутных речей»³³.

Из разобранных поручений самым важным и интересным является третье, агитация за Карла Филиппа. Невольно поднимается вопрос: неужели новгородцы еще в августе месяце 1613 г. не знали о провозглашении московским царем Михаила Романова? Допустить это чрезвычайно трудно по следующим соображениям. В грамоте Карлу Филиппу, переданной по назначению посланными в Выборг архимандритом Киприаном с товарищами 28 августа 1613 г. во время первой аудиенции у королевича читаем: «...мы можем признать, что в Московском государстве воры одолели добрых людей; мы также узнали, что в Московском государстве казаки без согласия бояр, дворян и лучших людей из всех чинов, ради своего воровства на Московское государство [поставили] государем Михаила Романова. Но Михаил сам не желает быть их государем»³⁴.

В начале грамоты князь Одоевский с дворянами, дьяками, детьми боярскими, головами, стрелецкими сотниками и др. людьми бьют королевичу челом. Надо думать, что грамота составлена была еще в Новгороде. Не станем упускать из виду и того, что Киприан с товарищами прибыли в Выборг лишь 26 августа. Об этом сообщают шведские комиссары в письме Деллагарди в Новгород 3 сентября

³³ Поручные записи по Новгородским помещикам и помещицам о неотъезде их из своих поместий за Новгородский рубеж. 1613, ноября 17 // ДАИ. Т. 2, № 9. С. 17–18.

³⁴ Wir können woll ahnnemen, dass in der Muschausken her kaft die Skelmer seind der gutten leute mechtig gemorden; dass haben wir auch erfahren, dass in der Vuschausken herschaft die Kassaken ohne bewilligungh den Bäären, und der Woiwoden, duorenen, dass auch anss allen stenuden der besten leute In die Muschauske herschaft vor einen hernen dem Michaeli Romanou von wegen, ihre skälmerije hebben [geschuoren haben]. Der Michaeli will aber selber nicht ihr herr sein. Современный немецкий перевод грамоты сохранился в Стокгольмском гос. архиве. Ср. Le Monde oriental. 1907. Fasc. I. P. 55. Русский перевод, в Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 25.

1613 г.³⁵. За два дня (26–28 августа., Г. 3.) послы не могли получить писем из Новгорода. Приходится сделать заключение, что в Новгороде о провозглашении царем Михаила Романова было известно. Об этом мог сообщить Делагарди. Делагарди писал об избрании в Москве Михаила Романова королю и канцлеру Акселю Оксеншерне еще 12 апреля 1613 г.³⁶

Нельзя не подчеркнуть, наконец, и того, что 16 июля 1613 г. прибыл из Москвы слуга Ф. Боборыкина с письмом последнего к его родственникам. В письме Ф. Боборыкин сообщал об избрании царем Михаила Романова³⁷. Трудно сказать, куда сначала попало письмо, в руки ли родственников Боборыкина или в руки шведского фельдмаршала, но думается, о письме и об его содержании новгородцы узнали. Таким образом, едва ли можно сомневаться в том, что новгородцы в августе месяце 1613 г. были осведомлены об избрании Михаила царем. Но в таком случае что же заставило новгородцев отправить посольство с Дионисием во главе в Москву и дать ему поручение, агитировать за шведского королевича, выступать против новопоставленного царя? Это выяснится лишь после изучения обстоятельств, при каких было отправлено упомянутое посольство. К изучению этих обстоятельств мы и переходим.

Не станем детально рассказывать о том, что новгородцы признали своим государем шведского королевича по договору с Делагарди 25 июля 1611 г.³⁸

Не станем рассматривать и сношения с Новгородом Ярославского земского собора и Временного земского правительства в 1612 г. Не забудем только, что на соборе 1613 г., провозгласившем Михаила Романова царем, новгородских представителей не было: они просто не могли приехать из оккупированной шведами русской области. Этот факт в свое время был отмечен М. В. Муравьевым³⁹.

³⁵ Wij Kunne eder här med icke oförmält läthe, at then 26 Augustj äre the Noudardische Sändebuden hijth till Wijborg ankomme. Письмо в библиотеке б. Юрьевского университета. *Кордм В. А.* Из семейного архива графов Делагарди // Учен. зап. имп. Юрьев. ун-та. Юрьев, 1894. Т. 2. Великий Новгород. 3 сент. 1613 г.

³⁶ Rikskansleren Axel Oxenstjernas skrifter och brevexling. Senare afdelningen. В. V. S. 36.

³⁷ Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 6. С. 22–23.

³⁸ В датировке договора, относимого обычно то к 11, то к 17 июля 1611 г., мы следуем изданию *Sverges Traktater med främmande magter ...* Stockholm. 1903. В. 5. Здесь договор напечатан в немецком переводе с русского, сделанном Hans Flörich 22 июля 1613 г. С этого немецкого перевода не так давно сделан перевод на русский язык с датой 25 июля 1611 г. См.: Договор Новгородского государства с Шведским военачальником Делагарди. 1611 / Пер. с нем. М. Ф. Ласковской // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 1. С. 3–11.

³⁹ *Муравьев М. В.* Лихолетье в Новгороде // Сб. НОЛД. Новгород, 1914. Вып. 7. С. 146.

Перейдем прямо к событиям после приезда Карла Филиппа в Выборг 9-го июля 1613 г.

16 июля 1613 г. пригнал в Новгород Овсей Рязанов с грамотой короля и с вестью, что Карл Филипп 4 июля прибыл в Барсунт (в Финляндии в 40 милях от Выборга., Г. 3.). Овсея Рязанова послали сопровождавшие королевича новгородские послы, архимандрит Никандр с товарищами, согласно приказа короля Густава II Адольфа. В грамоте, привезенной Рязановым, предписывалось послать весть о приезде королевича во все города Московского государства, чтобы русские прислали своих полномочных послов в Выборг⁴⁰.

Как отнеслись новгородцы к полученным известиям? Судя по грамоте из Новгорода к Карлу Филиппу, привезенной в Выборг Мурзою Мышецким 3 августа 1613 г., весть о приезде королевича была принята с сердечной радостью: три дня служили молебны в Софийском храме и звонили в колокола⁴¹. Таковы слова. Действия новгородцев, однако, свидетельствуют о другом.

Приговор об отправлении послов, архимандрита Киприана с товарищами, из Новгорода в Выборг на встречу Карла Филиппа был составлен лишь 27 июля 1613 г. после того, как 23 июля пригнали в Новгород Елизарей Корсаков и Лука Боранов с вестью, что королевич 9 июля прибыл в Выборг, другими словами, спустя **одиннадцать дней после приезда Овсея Рязанова**. Если принять во внимание сообщение шведских комиссаров, что новгородские посланные прибыли в Выборг только 26 августа, то надо будет допустить, что архимандрит Киприан с товарищами выехали из Новгорода еще позднее, может быть, после 6 августа: им известно, что в Москву отправлены игумен Дионисий с товарищами⁴². Видно, что с отправлением послов в Выборг новгородцы не спешили: выбрав, кто должен ехать в Выборг, ограничились пока лишь тем, что послали к королевичу Мурзу Мышецкого с грамотой. Мышецкий приехал в Выборг 3 августа 1613 г.

Почему же задержались в Новгороде с отправлением посольства в Выборг? Чтобы получить ответ, рассмотрим грамоты, привезенные Мышецким. Грамоты, как показывают пометы, получены были в Выборге 3 августа 1613 г. В них перечислены имена членов

⁴⁰ ДАИ. Т. 2, № 4. С. 6–7.

⁴¹ Грамота сохранилась в современном немецком переводе в Стокгольмском гос. архиве. Ее содержание передано в ответе Карла Филиппа 7 августа 1613 г. Ответ в русском переводе см.: ДАИ. Т. 2, № 5. С. 8–10.

⁴² Отписка Хутынского архимандрита Киприана с товарищами Новгородским митрополиту Исидору, воеводе князю Ивану Одоевскому и земским чинам о несогласии принца Карла Филиппа продолжать путь из Выборга в Новгород в случае, если не явятся к нему уполномоченные от всего государства для приглашения его на российский престол. 1614, января 12 // ДАИ. Т. 2, № 11. С. 24–27.

посольства из Новгорода в Выборг, начиная с архимандрита Киприана. Перечень имен посланных заставляет думать, что грамоты были отправлены уже после составления приговора 27 июля 1613 г. В начале одной грамоты упомянуты митрополит Исидор, архимандриты, игумены, протопопы и весь Освященный собор, в другой, воевода Одоевский, дети боярские и другие слои новгородского общества. Митрополит и духовные лица, равным образом воевода Одоевский и другие просят, чтобы королевич не положил на них опалы за то, что они своих послов не могли послать скоро из-за смуты, которую ныне завели в Новгородском государстве «воры и мятежники»⁴³.

Что же это за смуты? Мы подходим к очень интересному и важному моменту. В ответе Карла Филиппа 7 августа 1613 г. упоминается об отпадении от шведов Тихвина и Гдова⁴⁴. Но едва ли под смутою, о которой говорится в грамоте новгородцев 3 августа, следует разумеать отпадение названных городов. То было дело прошлое. Об измене Тихвина и Гдова шведы были осведомлены раньше, Делагарди извещал об этом короля через Эверта Горна еще в июне месяце 1613 г.⁴⁵

Мы склонны понимать под «смутою» распри, борьбу среди жителей Новгорода: недаром ведь в наказе Дионисию, составленном 6–10 августа 1613 г., говорится, что Карлу Филиппу изменили Самойло да Парфен да Богдашко Нарбековы, Богдан да Угрим Лупандины и князь Юрий Мещерский. Про Угрима Лупандина положительно известно, что он уехал к московскому царю. Видимо, в Новгороде нашлись не только сторонники шведского королевича, но и противники, лица, тянувшие к Москве; видимо, новгородцы растерялись, не знали, как поступить по отношению к Карлу Филиппу, когда в Московском государстве уже провозгласили царем Михаила Романова. Не забудем, что договор 25 июля 1611 г. с Делагарди должны были соблюдать не только новгородцы, но и Владимирское и Московское государства⁴⁶.

К сожалению, восстановить в деталях историю «смуты» в Новгороде не удастся за недостатком источников. Остается неясным, что говорили на собрании сторонники московской ориента-

⁴³ ДАИ. Т. 2, № 5. С. 10. В немецком переводе грамоты читаем: «und wolten auf funs in dem E.F.D. Ungnade nicht werffen, das wir bias hero unsern apgesandten ahn E.F.D. nicht haben so in der Eile Sender Könner von wegen der Irrung, die nu geschehen isz in der Nowgarschen herschafft von den Meineiters und schelmers so isz solches verhindert worden umb unsere Sunde haben».

⁴⁴ Там же. С. 8–10.

⁴⁵ Форстен Г. В. Политика Швеции в смутное время // ЖМНП. 1889. Октябрь. С. 191–192.

⁴⁶ Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 1. С. 10.

ции. Но исход борьбы не вызывает сомнений: 27 июля 1613 г. составляется приговор об отправлении архимандрита Киприана с товарищами в Выборг к Карлу Филиппу, а «изменники» Нарбековы, Лупандины и Мещерский вынуждены, очевидно из боязни репрессий, бежать из Новгорода, бросить там жен и детей. Эти факты заставляют допустить, что в Новгороде победа осталась за сторонниками шведов, сторонники московской ориентации остались в меньшинстве.

Подчеркнем, что в приговоре 27 июля 1613 г. об отправлении в Выборг архимандрита Киприана с товарищами послам поручается просить Карла Филиппа идти на одно лишь Новгородское государство; о Московском и Владимирском государствах в приговоре, в противоположность договору 25 июля 1611 г., не говорится ни слова.

Победившие сепаратисты иначе, разумеется, не могли и действовать. Чтобы выяснить позицию сепаратистов, обратим внимание на заключительные слова грамоты воеводы Одоевского с дворянами, переданной Карлу Филиппу послами 28 августа 1613 г. в Выборге. Если Карл Филипп сядет на Новгородском государстве, то новгородцы-дворяне обещают стоять против врагов и биться не щадя своей жизни; они указывают, что хотя казаки в Московском государстве и поставили своим царем Михаила Романова, все же его правление не может быть твердым по той причине, что это совершилось без воли бояр, воевод и лучших людей всех чинов. В этих словах отражается сознание дворянами значения класса феодалов в обществе: они, феодалы, вершители судеб государства; что сделано без их согласия, то не может быть прочным.

6 августа пригнал из Выборга в Новгород Курап Мякинин. С ним архимандрит Никандр и дворяне прислали новую грамоту, в которой извещали, что Карл Филипп, в Выборге, ожидает полномочных послов и от Новгородского, и от Владимирского, и от Московского государств «на встречу». Это, надо полагать, и послужило толчком к тому, что новгородцы решились на новый шаг, послать игумена Отенского монастыря Дионисия, дворян Воина Новокшенова, Петра Лутохина, Ивана Секерина в Москву с поручениями, изложенными выше. «Для подлинного рассказанья» про приезд шведского королевича в Выборг к названным лицам присоединили Елизарея Корсакова, бывшего при Карле Филиппе, и торгового человека Михаила Куколкина. Все это, лица исторически реальные. Подписи Дионисия, Ивана Секерина, Петра Лутохина встречаем под приговором 27 июля 1613 г. об отправлении Киприана с товарищами в Выборг⁴⁷.

⁴⁷ ДАИ. Т. 2, № 4. С. 7–8.

Почему выбор пал на упомянутых в наказе лиц? Не были ли они сторонниками шведской ориентации? Тот факт, что они подписывались под приговором об отправлении Киприана в Выборг, заставляет признать, что во время «смуты», какая обнаружилась в тот момент в Новгороде, они склонились на сторону шведского королевича. С другой стороны, едва ли бы послали в Москву агитировать там за шведского королевича таких лиц, в преданности которых Карлу Филиппу можно было усомниться. По этим соображениям мы склонны считать Дионисия и поехавших с ним дворян приверженцами шведского королевича. Трудно за отсутствием подписей под наказом сказать точно, кем именно были отправлены Дионисий с дворянами в Москву. Приходится решать вопрос по косвенным указаниям.

В наказе Карла Филиппа именуют «нашим» государем (например: «...слыша великого государя **нашего** королевича... приход в Выборг»; «...и житии-б всего Российского государства всяким людем под единым кровом великого государя **нашего** королевича», Г. 3.). Видимо, авторы наказов, сторонники шведского королевича. Кто же они? Печать Новгородского митрополита Исидора, затем другая печать, воеводы Ивана Никитича Большого Одоевского, наконец, подпись «Ноугородцково государства» дьяка Семена Лутохина свидетельствуют, что наказ Дионисию с дворянами вышел из официальных правительственных кругов. Как же эти круги были представлены? С большою долей вероятности можно утверждать, что одним из видных сторонников Карла Филиппа в Новгороде был митрополит Исидор. Он приложил свою печать под договором новгородцев с Делагарди 25 июля 1611 г., которым новгородцы обязались и за себя и за московских людей признать государем одного из сыновей шведского короля Карла IX⁴⁸.

Приложены Исидором печати и к приговору новгородцев об отправлении архимандрита Никандра в Швецию 25 декабря 1611 г., и к приговору об отправлении архимандрита Киприана в Выборг 27 июля 1613 г.⁴⁹ В октябре 1612 г. митрополит Исидор писал «боярам и воеводам и ко всей земле», чтоб Московскому государству быти с Новгородом «под единым кровом государя королевича Карлуса Филиппа Карлусовича»⁵⁰. Даже в 1614 г., уже после отъезда Карла Филиппа из Выборга обратно в Стокгольм, митрополит Исидор оставался приверженцем шведского королевича. В челобитной новго-

⁴⁸ Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 1. С. 11. В договоре митрополит говорит о себе в первом лице: «Я, преосвященный Исидор, митрополит Великаго Новгорода и Великих Лук, приложил свою печать под этим договором».

⁴⁹ ДАИ. Т. 1, № 164. С. 284; ДАИ. Т. 2, № 4. С. 7.

⁵⁰ ДАИ. Т. 1, № 166. С. 291–294.

родцев королю 1614 г. читаем: «Я преосвященный Исидор митрополит и весь освященный собор молили Бога, и ныне молим, за его пресветлейшество»⁵¹. После сказанного не трудно допустить, что в 1613 г. митрополит Исидор наказывал игумену Дионисию с дворянами склонять, убеждать московских людей, чтобы они были с Новгородом «под единым кровом» Карла Филиппа. В своих действиях митрополит Исидор проявляет последовательность и определенность. Да и как он мог выступать против шведского королевича, когда по договору 25 июля 1611 г. он и боярин Иван Никитич Большой Одоевский должны были «держат совет» с Делагарди, помогать шведскому фельдмаршалу?

Думается, что о боярине Иване Никитиче Большом Одоевском следует повторить, что сказано о митрополите Исидоре. Печати боярина Большого Одоевского нет под договором 1611 г., но в дальнейшем он прикладывает свою печать к приговорам 25 декабря 1611 г. и 27 июля 1613 г. И с ним Делагарди должен был «держат совет», действовать заодно. Примером совместных распоряжений Делагарди и боярина Одоевского может служить наказ 22 ноября 1612 г.⁵² Губные старосты и другие должностные лица адресовали свои отписки Делагарди и Одоевскому вместе⁵³, считали их членами правительства.

Этого мало. Имеется документ, свидетельствующий о дружеских отношениях Делагарди и Одоевского. Выехав из Новгорода в Ругодив к королю в августе 1614 г., Делагарди пишет с дороги Одоевскому письмо, начинающееся такими словами: «государю моему, сердешному любителю, князю Ивану Никитичю Яков Делегард целом бьет». В письме Делагарди обещает Одоевскому, согласно слова, данного в Новгороде, ходатайствовать о воеводе перед Густавом II Адольфом. «А как, государь князь Иван Никитич, увижу государевы очи., пишет Делагарди., и я, государь, как рекся тебе, государю моему, в Великом Новегороде, и паче того во всем буду за тебя, государя, печалник государю королю; обо всем, государь, про королевскую милость к себе, государь, чяю, вскоре услышишь»⁵⁴.

⁵¹ Челобитная Новгородских митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов Шведскому королю Густаву Адольфу о непринуждении их к вторичному крестоцелованию, в нарушение прежней присяги, данной ими брату его принцу Карлу Филиппу. 1614, после августа // ДАИ. Т. 2, № 21. С. 45.

⁵² Наказ Новгородского государства бояр и воевод Якова Делагарди и Ивана Одоевского приказчику Нехорошему Вельяшову об управлении Обонежскими дворцовыми волостями. 1612, ноября 22 // ДАИ. Т. 1, № 167. С. 294–295.

⁵³ См. примеры в ДАИ. Т. 1, № 176 и 177. С. 308–309.

⁵⁴ Письмо графа Делагарди князю Ивану Одоевскому во время путешествия его из Новгорода в Ревель к королю Густаву Адольфу. 1614, августа 10 // ДАИ. Т. 2, № 19. С. 41.

Невольно поднимается вопрос: неужели Делагарди стал бы выпрашивать милость у своего короля лицу, которое выступало против шведского королевича? Мы считаем бесспорным, что боярин Иван Никитич Большой Одоевский, сторонник Карла Филиппа (разумеется, на данном этапе, до 1615 г., *Г. З.*). Не следует забывать и того, что шведского королевича приговорили выбрать московским царем не только в «совете всея рати» под Москвою в 1611 г.; этого приговора «держались» и на Ярославском земском соборе 1612 г. (см. выше., *Г. З.*). Поведение Одоевского, равно как и митрополита Исидора, находится в полном соответствии с указанными решениями.

Полагаем, что не будет ошибки, если мы отнесем к числу приверженцев Карла Филиппа и дьяка Семена Лутохина. Как указано выше, подписи Лутохина под документами встречаются на протяжении ряда лет. Тот факт, что Семена Лутохина держат продолжительное время на должности государственного дьяка, показывает, что им были довольны; очевидно, и он служил шведам верой и правдой. Об этом говорит и челобитная новгородцев Густаву II Адольфу 1614 г. (о ней ниже., *Г. З.*).

Наш вывод может показаться противоречащим ясному показанию Я. М. Боборыкина на тайном допросе в Москве в 1615 г. Я. Боборыкин свидетельствовал, «что никто так служит государю в Нове городе и за государя (т. е. Михаила Федоровича., *Г. З.*) бога молит, ноугородцкий митрополит Исидор, да боярин князь Иван Одоевский, да дьяк Семейка Лутохин, да из дворян князь Микифор Мещерской»⁵⁵. Как будто бы наше утверждение противоречит и другому факту: Семен Лутохин был избран членом посольства в Москву 1615 г.⁵⁶ Наконец, в донесении королю 12 декабря 1614 г. Эверт Горн указывает, что митрополит и бояре возбуждают горожан в Новгороде против Швеции⁵⁷. Мы, со своей стороны, противоречия не находим. Не станем упускать из виду, что в настроении новгородцев происходили резкие перемены: до посольства Киприана в Москву одно, после, другое. Надо думать, что Боборыкин имеет в виду конец 1614 г. Тогда и митрополит, и воевода, и другие новго-

⁵⁵ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1615 г, № 2.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 1614, декабря 12 // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 13. С. 38; Ср.: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1894. Т. 2. С. 129. Г. В. Форстен приводит выдержку из донесения Горна на шведском языке. В русском переводе слово «бояре» стоит во множественном числе, в шведском тексте стоит *Vaijogan*. В Новгороде был лишь один боярин, воевода Иван Никитич Одоевский. Полагаем, что Горн в донесении 12 декабря 1614 г. имеет в виду митрополита и воеводу.

родцы действительно потянулись к Москве. Мы говорили здесь о 1613 г., когда настроение, ориентация новгородцев были иные.

Что до Семена Лутохина, то нам встретилось лишь одно показание об его службе московскому царю до посольства Киприана в Москву. Боярский сын Данила Шатилов, посланный Осташковским воеводой Борисом Кокоревым в Новгород, по возвращении в Осташков в ноябре 1614 г. сообщил, что с ним приказывал Семен Лутохин: «Датцкий король Свейскую землю воюет, и самим им, от Дацкого тесно, и король де Свейской однолично рад миру»⁵⁸. Других данных о радении Лутохина царю в нашем распоряжении нет.

Что касается письма Горна, то Горн имеет в виду, очевидно, отрицательное отношение митрополита и воеводы к унии Новгорода со Швецией. Это отрицательное отношение к унии не мешало новгородцам быть верными шведскому королевичу; известно, что, отказываясь от присяги на имя короля, новгородцы базировались на присяге Карлу Филиппу.

Вывод наш таков: в 1613 г. члены правительства в Новгороде стояли за шведского королевича.

Сделанным выводом, разумеется, удовлетвориться трудно, вывод недостаточен. Совершенно ясно, что и митрополит Исидор и боярин Большой Одоевский действовали не одни. Из отрывочных описей 1580-х годов видно, что в Новгороде было около 30 монастырей и больше 60 храмов⁵⁹; все они находились в подчинении митрополиту.

Кто же действовал совместно с правящими лицами? Об этом можно судить по подписям, какие имеются под различными приговорами. Подпись не только показатель, что данное лицо присутствовало на собрании, вынесшем известное решение, но и знак согласия с решением, принятым собранием. Мы намерены при рассмотрении подписей добавить некоторые биографические данные. Благодаря этим данным за подписями будут выглядывать конкретные лица и выводы будут прочнее.

Подвергнем анализу лишь четыре документа: 1) приговор новгородцев об отправлении посольства в Выборг в 1613 г., 2) челобитную новгородцев Густаву II Адольфу 1614 г., 3) запись челобитий, поданных новгородцами в Выборге в 1613 г., 4) приговор об отправлении посольства из Новгорода в Стокгольм в 1611 г.

⁵⁸ Переписка московских бояр с жившими в Новгороде шведскими генералами о размене пленных и о учинении съезда для прекращения между обоими государствами войны. 1614, октябрь–декабрь // *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. Прил. № 5. С. 125.

⁵⁹ *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 21.

Начнем с приговора новгородцев 27 июля 1613 г. об отправлении посольства во главе с архимандритом Киприаном в Выборг. Мы уже упоминали, что этот приговор составлен после борьбы, разыгравшейся в Новгороде между сторонниками шведской ориентации и сторонниками московской ориентации, борьбы, закончившейся победой первых. Кто эти победители? Начнем знакомство с лиц, избранных в члены посольства. Может быть, они поехали по неволе, подчиняясь решению собрания? У нас нет данных, чтобы утверждать это. Мы склоняемся к мысли, что члены посольства поехали в Выборг по доброй воле: как-никак, а попасть в члены посольства к Карлу Филиппу было лестно. Недаром воевода Торжка Михаил Белосельский в начале 1613 г. высказывал желание, чтобы его отправили в числе других послом к Карлу Филиппу⁶⁰.

Кто же был избран членами посольства? Во главе посольства в Выборг стоял архимандрит Киприан. Его политическая физиономия не представляет чего-либо загадочного. Став архимандритом Спаса Хутыня монастыря в Новгороде, вероятно, в 1612 г., Киприан в 1613–1614 гг. почти год был в Выборге, а в начале 1615 г. послан был во главе посольства в Москву. Во время переговоров в Выборге Киприан заявлял, что Новгород и без согласия Москвы может избрать себе великого князя⁶¹. Это было повторением мысли, высказанной в грамоте воеводы Одоевского и дворян, поданной Карлу Филиппу 26 августа 1613 г., но это повторение наводит на предположение, что сам Киприан был чужд сепаратизму. Вернувшись из Выборга в Новгород, в половине августа 1614 г.⁶² Киприан остается в городе. Он первый подписывается под челобитной новгородцев Густаву II Адольфу, поданной после 22 августа 1614 г.⁶³ В челобитной встречаем интересную фразу: «...и про нашу, государь, прямую службу и раденье, ведомо вашего королевского величества боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичу Делагарду». Как видим, челобитчики выставляют себя радателями шведов.

В связи с приведенными выше фактами из биографии Киприана цитированная фраза приобретает определенный смысл: до конца 1614 г. он, сторонник шведского королевича. Посланный в Москву в начале 1615 г., Киприан ведет себя там иначе, чем в Выборге: он радуется московскому царю⁶⁴. Пребывание в Москве произ-

⁶⁰ Расспросные речи двух купцов. 1613, февраля 10 // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 5. С. 22.

⁶¹ *Форстен Г. В.* Политика Швеции в смутное время // ЖМНП. 1889. Кн. 10. С. 193–194.

⁶² ДАИ. Т. 2, № 19. С. 41; № 21. С. 45.

⁶³ Там же, № 21. С. 46.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1615 г. № 2.

водит перемену в настроении Киприана. По возвращении из Москвы в Новгород он превращается в ревностного сторонника Москвы, решительно отказывается от присяги на имя короля, за что попадает в тюрьму и подвергается пыткам. Памятником его деятельности является его секретное послание из тюрьмы в Москву⁶⁵. Отправленные для переговоров со шведами о мире Д. И. Мезецкий с товарищами посылают к Киприану лазутчиков «для вестей»⁶⁶. В 1620–1624 гг. Киприан, архиепископ в Тобольске, а с 1627 г. до 1632 г., митрополит в Новгороде. Став митрополитом, Киприан поступает порой самовольно: не слушает, а наоборот, смеется над грамотами царя Михаила и патриарха Филарета, требуя, чтобы его называли государем и т. д.⁶⁷

Не станем пока делать выводов, а познакомимся с биографиями других членов посольства в Выборг. Ярko выступает личность Якова Михайловича Боборыкина. Дворянин Деревской пятины, по всей вероятности сын Михаила Борисовича Боборыкина, состоявшего членом посольства из Новгорода в Стокгольм в 1611 г.⁶⁸ и умершего в Стокгольме⁶⁹, Яков Михайлович вернулся из Выборга в Новгород еще до первого предложения Делагарди и Эверта Горна унии Новгорода со Швецией, каковое предложение состоялось 26 января 1614 г.⁷⁰

По какому поводу Боборыкин прибыл из Выборга в Новгород, неясно. В Выборг он больше уже не поехал. Этот факт наводит на размышления. Возможно, что Боборыкин рано понял бесплодность переговоров в Выборге об избрании Карла Филиппа царем. В Новгороде Боборыкин незамедлительно принялся выяснять, «по чьему велению, приехав в Свино, новгородец посадкой человек Томило Остальцов (Пристальцов., Г. З.) говорил Хутыня монастыря архимандриту Киприану, будто с ним, Томилой, приказ от Исидора митрополита и от боярина от князя Ивана Одоевского и от ноугородцов ото всяких людей, чтоб послы королю крест целовали». На деле оказалось, что по приезде Пристальцова в Выборг 2 января 1614 г. шведские комиссары увели его вместе со служкою Безсонком Лутьяновым и с грамотами от митрополита и от воеводы к себе «в Вы-

⁶⁵ Там же, № 9.

⁶⁶ Там же. Шведские дела 1615 г. № 8.

⁶⁷ См. дело «О неправдах и непригожих речах Новгородского митрополита Киприана», опубликованных А. Н. Зерцаловым в ЧОИДР за 1896 г.

⁶⁸ ДАИ. Т. 1, № 162. С. 283.

⁶⁹ *Södergren J. G. Om Gustaf II Adolfs plan att bilifva rysk szar. Wexio, 1868. Прилож.*

⁷⁰ Память Якова Делагарди Королю Густаву Адольфу о переговорах с новгородцами 26 января 1614 г. // Сб. НОЛД. Новгород, 1912. Вып. 6, № 1. С. 3; Ср.: Речи Ивана Филатова // РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1614 г. № 1.

шегород, не допусая до послов». Надо думать, что именно в этот момент им удалось убедить Пристальцова сказать новгородским посланным, будто с ним прислан приказ целовать крест королю⁷¹. Это был прием шведов, примененный впоследствии к Якову Боборыкину и к Киприану. Я. Боборыкин спрашивал о приказе целовать крест королю даже у Делагарди.

Описанное выступление сразу же рисует Я. Боборыкина как противника унии Новгорода со Швецией. О связях Я. Боборыкина в это время дает представление следующий факт: захваченные вместе с братом Якова Михайловича Егупом московскими ратными людьми в 1614 г. «языки» под пыткой показали, что они никаких вестей не ведают, «а ведает-де всякие вести Егуп Бобарыкин, потому что он у Якова Пунтусова жил»⁷². Думается, что от своего брата Яков Боборыкин почерпнул немало сведений.

Уже с Иваном Филатовым, посланным Д. Т. Трубецким в Новгород и вернувшимся оттуда 25 марта 1614 г., Яков Боборыкин приказывал «многие вести, служба государю»⁷³. К сожалению, от расспросных речей Ивана Филатова сохранился лишь отрывок, не позволяющий выяснить в деталях, что же именно приказывал с ним Я. Боборыкин.

8 апреля 1614 г. Д. Т. Трубецкой послал в Новгород рязанца Андрея Хирина. По возвращении из Новгорода Хирин рассказал, что в бытность его в Новгороде Яков Боборыкин «имал его к себе на подворье тайно многижда и о государе деле радел, про всякие вести ему рассказывал»⁷⁴. И расспросные речи Хирина не сохранились.

2 июля 1614 г. после того, как между московской ратью и шведами начались столкновения (вспомним стычку русских с отрядом Самуила Коброна 12 мая 1614 г.⁷⁵, Г. 3.), Я. Боборыкин едет с товарищами «от митрополита Исидора и от боярина ото князя Ивана Одоевского и от дворян и ото всего Ноугородцкого государства»

⁷¹ См. речи Филатова. См. также: Отписка Хутынского архимандрита Киприана ... 1614, января 12 // ДАИ. Т. 2, № 11. С. 24–28; *Фигаровский В. А.* Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Новгород, 1938. Вып. 3–4. С. 68. В цитате, приведенной В. А. Фигаровским, допущена бессмыслица: «... что с ним милый (?) приказ от новгородцев ото всяких людей, чтоб послы королю крест целовали». Правильное чтение: «с ним, Томилой».

⁷² Отписка псковских воевод князя Ивана Хованского с товарищи... 1614, после 24 февраля // АМГ. Т. 1, № 66. С. 102.

⁷³ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1616 г. № 12.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Отписка Белозерского воеводы Петра Чихачева в Ярославль о высылке дворян и детей боярских в поход против шведов с боярином Дмитрием Трубецким. 1614, июня 23 // ДАИ. Т. 2, № 16. С. 35–36.

к заставам московской рати и со слезами умоляет Д. Т. Трубецкого с товарищами «сослаться с Яковом Пунтусовым и во всем зделаться без крови»⁷⁶. Предотвратить кровопролитие не удалось. 14 июля 1614 г. в битве со шведами московское войско потерпело поражение и отошло от Бронниц. Интересно отметить, что Я. Боборыкин не перебегает к москвичам, почему, сказать затрудняемся.

В августе 1614 г. Делаярди, уезжая к королю в Ругодив, берет Я. Боборыкина с собой. В Ругодиве шведы, в том числе сам король, пытались убедить Боборыкина присягнуть на имя короля и привести к присяге всех новгородцев, обещая ему от короля «жалованье» и угрожая в случае отказа смертью. Убеждения, однако, не подействовали на Боборыкина: он решительно отказался от присяги королю⁷⁷. Из этого факта необходимо сделать два вывода: 1) видимо, Я. Боборыкин пользовался в Новгороде влиянием, почему через него шведы и хотели воздействовать на новгородцев; 2) поражает мужество, стойкость Боборыкина.

Из Ругодива Боборыкин вернулся в Новгород, когда, неизвестно⁷⁸. Не ранее 1 октября 1614 г. приехал в Новгород на место Делаярди Эверт Горн. Горну поручено было королем «промышлять всякими мерами, чтоб ему в Нове городе всяких людей привести к крестному целованию» на имя короля. Горн «по многие дни» призывал к себе Боборыкина и уговаривал его присягнуть королю, но безуспешно. 14 декабря Горн прислал митрополиту, воеводе и всяким людям Новгородского государства «писменные составные многие речи»⁷⁹; он требовал ответа касательно унии со Швецией.

Написать ответ поручено было собором Я. Боборыкину и дьяку Семену Лутохину. Ответ был одобрен «собором». С ответом направили к Горну опять-таки Я. Боборыкина. Ответ страшно раздражил Горна, он отдал Боборыкина за пристава, а митрополиту Исидору и воеводе Одоевскому пригрозил ссылкой в Швецию. Спустя некоторое время Я. Боборыкин получил свободу. Горн снова призывает его к себе и говорит, чтобы Я. Боборыкин убедил митрополита, воеводу и других новгородцев обратиться к нему, Горну, с просьбой разрешить сослаться с Москвой «о мирном постановенье»; только пусть Боборыкин не обнаруживает, что об этом ему

⁷⁶ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1616 г. № 12.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Под челобитной новгородцев Густаву II Адольфу, поданной после 22 августа 1614 г. (дата установлена Г. А. Замятиным) // ДАИ. Т. 2, № 21, подписи Я. Боборыкина нет.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1615 г. № 2; Предложение Э. Горна новгородцам. 1614 г. декабря 14 (дата установлена Г. А. Замятиным) // ДАИ. Т. 2, № 12. С. 28–32. В печатном тексте дата указана неверно.

говорил Горн. Я. Боборыкин выполняет поручение. Митрополит, воевода и другие новгородцы обращаются с челобитьем к Горну. Последний дает разрешение отправить посольство в Москву: в это время шведы уже завели переговоры с Москвой о мире, но не могли добиться желаемых для себя результатов.

В январе 1615 г. посольство отправляется из Новгорода в Москву. В числе послов встречаем Я. Боборыкина. В Москве посланных, в том числе Я. Боборыкина, подвергают тайному допросу, и Боборыкин сообщает много весьма важных для московского правительства сведений. Мало того. Я. Боборыкин и М. Муравьев приносят в Москве присягу на верность царю. По рассказу Я. Боборыкина, он бил челом царю, чтобы «ему назад в Новгород не ехать, а служить б государю на Москве», но ему рекомендовали вернуться в Новгород и там «во всем служить и радети тайно и выведывая у немецких людей о всем, писати к Москве и Новгородцкого государства всяких людей укрепляти, чтоб Свейскому королю креста не целовали». С некоторыми из посланных была отправлена в Новгород тайно милостивая царская грамота, которая и была доставлена по назначению.

Так, будучи в Москве, Я. Боборыкин стал тайным агентом московского правительства в Новгороде. В РГАДА сохранилось немало документов, рисующих работу Боборыкина в Новгороде и на съезде московских и шведских послов⁸⁰. Мы не станем здесь рассказывать об этой работе: личность Я. Боборыкина как сторонника Москвы ясно вырисовывается уже из приведенных выше фактов. Но нельзя умолчать о приемах добывания сведений Я. Боборыкиным. Для характеристики этих приемов приведем два факта. «125-го году (1616., Г. 3.) октября в 3 день» Д. И. Мезецкий с товарищами писали царю: 27 августа пришел к ним в Тихвин из Новгорода подьячий Казарин Башмаков; «в роспросе» Башмаков сообщил, что во время переговоров в Дедерине он (Башмаков., Г. 3.) «был у свейских послов у Якова Пунтусова с товарищами с переводчиком Анцою Брякилевым у посольских у тайных дел и промеж их съездов списывал он у свейских послов тайно их запросы и всякие вести и про свейского короля над государевою отчиною и надо Псковом умышление и на письме давал тайно Якову Боборыкину, а Яков Боборыкин то письмо присылал к ним, государевым послом, из Романова и из Се-

⁸⁰ См. особенно Шведские дела 1616 г. № 12, где имеется челобитная Боборыкина царю. Это дело было использовано нами, по-видимому, впервые, в работе «К вопросу об избрании Карла Филиппа». Юрьев, 1913. Гл. VIII. Недавно указанное дело использовано было В. А. Фигаровским // НИС. Вып. 3–4. В. А. Фигаровский повторил многое, что сказано в нашей работе, но по обычаю без ссылки на предшественника.

лиц с человеком своим и аглицково посла с людьми и з государевыми гонцы, которые от них посыланы з грамоты к свейским и к аглинскому послом». 18 января 1616 г. ночью приезжал к московским послам Яков Боборыкин «да с ним тайно в ноци немчин Арн Бук», переводчик у шведских послов. Они сообщили, что шведские послы хотят ехать в Новгород; при этом «немчин Арн государевым послом сказал: будет ему мочно достигнуть у Монши Мартынова писма грамот Корелской отдачи всяких царя Васильевых крепостей; и он-де, Арн, с ними-ж на государево имя выедет»⁸¹. Как видим, Я. Боборыкин завербовал себе помощников в среде самых близких к шведским послам лиц.

Принявшая широкий размах деятельность Я. Боборыкина скоро, впрочем, прервалась. Произошло следующее. Когда Я. Боборыкин приехал раз ночью тайно к царским послам, его увидел «жилец Михалко Клементьев, а был-де он свой по жене Петру Третьякову и жил-де у него». Этот Клементьев «отъехал от государевых послов к Якову Пунтусову». От Клементьева узнал о работе Боборыкина Деллагарди. К счастью для Боборыкина, в тот момент, когда Клементьев рассказывал Деллагарди, у Деллагарди был преданный Боборыкину Угрим Лупандин. Лупандин передал об услышанном Якову Боборыкину. «Тое-ж ноци» (21 января 1616 г., Г. 3.) Боборыкин вместе с Лупандиным убежали к московским послам⁸².

Довольно четко вырисовывается политическая физиономия «Томилки Пристальцова»; это, «торговый человек Томила Пристальцов», член посольства из Новгорода в Выборг⁸³. Известно, что он пытался склонить новгородских послов к присяге на имя короля еще в бытность посланных в Выборге⁸⁴. Подпись Т. Пристальцова встречаем под челобитной новгородцев Густаву II Адольфу, поданной после 22 августа 1614 г.⁸⁵ Очевидно, Пристальцов вернулся в Новгород вместе с другими посланными. В 1616 г. он значится в числе пятиконецких старост⁸⁶. 27 декабря 1616 г. Джону Меррику была подана в письменном виде просьба помочь новгородцам в уплате налогов шведам, дать займы тысячи три рублей или сколько

⁸¹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1616 г. № 12.

⁸² Там же. «Новый Летописец», рассказывая о посольстве Киприана в Москву в 1615 г., сообщает, что послам велено было «дати список, выписав все неправды Немецкия». Это было выполнено. По возвращении послов в Новгород «проведаша Немцы про тот список и про их челобитье на Москве, а писал с Москвы в Немцы Петр Третьяков». См.: Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 139. Не имеет ли летописец в виду историю с Боборыкиным? Верно ли он передает события?

⁸³ ДАИ. Т. 2, № 4. С. 5–8.

⁸⁴ См. выше.

⁸⁵ ДАИ. Т. 2, № 21. С. 43–47.

⁸⁶ ДАИ. № 47. С. 77–82.

возможно. В начале челобитной упоминаются «гости Истомка Демидов, Первушка Прокофьев, да пятиконецкие старостишка Томилко Михайлов сын Пристальцов, Нечайко Большаков, Первушка Клементьев, Третьячко Молоков, Меншичко Семенов, Степанко Бобровик, Томилко Хмелевик, Иванко Григорьев, да посацкие людишка Мокей Коласцов, Дмитрийко Тетерин, Гришка Хамов, Степанко Поливаев, Максимко Корзихин, Докучайко Сласницын, Ондрюшка Васильев, Первушка Дедышев, Васка Вышеславцов»⁸⁷.

Попав в пятиконецкие старосты, Пристальцов стал верой и правдой служить шведам. Выходцы из Новгорода, посадский человек Петрушка Данилов сын Плавков да Солецкого погоста с Волхова дьячок Ондрюшка Никифоров, пришедши к русским послам в Тихвин 22 декабря 125 (1616., Г. 3.) года показывали: «...как съехал Яков (Делагарди., Г. 3.) из Нова города, и после-де его толмач Ирик да посадцкой человек Томилка Пристальцов наложили на посадцких людей салдатцких денег по 350 рублей на десять ден, а збирали с них по 700 рублей на десять ден, да на посадцких же людех емлют солдатом шубы и рубахи и всякое платье и курты и сапоги и чулки и рукавицы и побивают-де посадцких людей подьячей Григорей Собакин да Томило Пристальцов до смерти»⁸⁸.

Из грамоты митрополита Исидора русским послам, Д. И. Мезецкому с товарищами, от января 1617 г. узнаем, что с вязмитина Ивана Воскобойникова, бывшего «в тягле з денги», толмач Ирик Андреев «велел правит из гроша сто сорок рублей по Томилкину наученью». В той же грамоте рассказывается об участии Пристальцова в деле подьячего Григория Собакина. Последнего шведы принуждали переехать с семьей на житье в Копорье, но Собакин отказывался, ссылаясь на письмо Джона Меррика, в котором сообщалось о договоре русских со шведами не вывозить насильно русских из Новгорода. Что делают шведы с Собакиным, изложим словами грамоты. «И в ночи к девятому на десять числу утесняя его (Собакина., Г. 3.) всякими мерами и взяв его Ирик из каменного города в нему на двор и живота его досмотра з боярским дворецким да з детми пометати в соли и отпустиша в Копорью тотчас. Или крест целуй, и живот твой там твое отдадим, как ты съедешь к нам»⁸⁹.

Как видим, Пристальцов принимал участие в обысках, производимых шведами в домах новгородцев. Понятно, что после таких действий Пристальцову после заключения Столбовского мира не

⁸⁷ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1617 г. № 1. Любопытно, что подписи под челобитной не вполне совпадают с именами перечисленных лиц, подписей больше.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1616 г. № 10.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1617 г. № 2.

оставалось ничего, как уехать в города, уступленные шведам. Пристальцов действительно продает свой двор и лавку в Новгороде за 60 рублей и уезжает⁹⁰.

Перед нами прошли трое из новгородского посольства в Выборг в 1613 г. Можно подвести некоторые итоги. Казалось бы, вывод надо сделать такой: в числе послов в Выборг были лица с различными выступлениями, состав посольства был смешанный (из сторонников Москвы и сторонников шведской ориентации., Г. З.). По нашему убеждению, более правильным будет другой вывод: перечисленные трое членов посольства в 1613 г. были все сторонниками шведского королевича, но потом пережили сложный психологический процесс перехода от шведской ориентации к ориентации московской. Киприан определенно пережил подобный процесс. Пережил его и Я. М. Боборыкин. Выбранный послом в Выборг, он едет туда (как поехал в 1611 г. в Стокгольм его отец., Г. З.); он не бежит, как Угрим Лупандин, в Москву; лишь по возвращении из Выборга (но не раньше., Г. З.) он начинает вести неуклонно одну линию, тянет к Москве. Видимо, находясь в Выборге, он понял бесплодность переговоров об избрании Карла Филиппа русским царем и отшатнулся от шведов. Думается, что подобный процесс пережили многие новгородцы. У разных лиц он, вероятно, происходил неравномерно. Изучение этого перелома в психике жителей Новгорода по биографическим данным, тема весьма заманчивая.

Мы готовы зачислить в ряды сторонников шведской ориентации всех членов посольства, отправившихся к Карлу Филиппу в Выборг: дьяка Томилу Сергеева, дворян «Вотцкие пятины» Василия Ивановича Трусова, Никиту Васильевича Вышеславцева, Шелонской пятины, Дмитрия Васильевича Лодыгина, Игнатия Жданова Харламова, Деревской пятины, Филона Михайловича Аничкова, Обонежской пятины Степана Тимофеевича Горихвостова, гостя Первого Прокофьева. Уже тот факт, что эти лица поехали в Выборг к Карлу Филиппу, обнаруживает их политическую направленность. Другие, приведенные ниже данные еще более подкрепляют наше мнение.

Перейдем теперь к рассмотрению подписей под приговором 27 июля 1613 г. Под приговором есть печати митрополита Исидора и воеводы Одоевского; после того читаем: «...а мы, игумены и весь освященный собор и дворяне, и дьяки, и дети боярские, и всякие люди руки свои приложили»⁹¹. Всего подписей 49, а с подписями митрополита Исидора, воеводы Одоевского и двух дьяков 53. Вна-

⁹⁰ *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // Учен. зап. имп. Юрьев. ун-та, Юрьев. 1896. № 3. С. 49.

⁹¹ ДАИ. Т. 2, № 4. С. 7.

чале идут подписи 4 игуменов. В дальнейшем встречаем подписи 5 представителей белого духовенства, 3 князей, 1 старосты, 1 митрополитского дьяка, 1 гостя, у остальных не указаны ни должности, ни профессии.

Остановимся на подписях дьяков по склейкам. Первая подпись принадлежит Семену Лутохину, о котором была речь выше, вторая Пятому Григорьеву. До нас дошла запись челобитной Пятого Григорьева, поданной Карлу Филиппу в Выборге после второй аудиенции. Она помогает выяснить политическую физиономию Григорьева. Дьяк Григорьев сообщает, что он был в числе послов, отправленных в Швецию к Карлу IX еще царем Василием Шуйским. Это совершенно правильное указание: известно, что Григорьев был отправлен в Швецию со Смирным Отрепьевым в 1609 году⁹².

Вернувшись из Швеции в Новгород, Григорьев присягнул королевичу, когда, неизвестно, может быть, 25 июля 1611 г., когда новгородцы присягали на верность договору с Делагарди⁹³. Когда об этом стало известно в Москве, у Григорьева отняли поместье. Он впал в бедность и по этой причине поступил на службу дьяком к шведам. Григорьев просил дать ему взамен отобранного поместья в Коломенском уезде другое в Новгородском лене из коронных земель с местечком (...) с деревнями (...). Присяга королевичу, показатель, что Григорьев, сторонник шведской ориентации⁹⁴. Подпись пятого Григорьева имеется и под челобитной новгородцев Густаву II Адольфу 1614 г.⁹⁵

В последующее время (в 1615–1616 гг., Г. З.) Григорьев действует рука об руку с Семеном Лутохиным, ревностно служит царю⁹⁶.

Рассмотрим подписи игуменов. Игумен Вяжицкого монастыря Геннадий, был в качестве новгородского посланника в Ярославле и выступал за шведского королевича на заседании Земского собора 26 июня 1612 г. вместе с князем Федором Оболенским⁹⁷. Подпись игумена Геннадия встречается и под челобитной Густаву II

⁹² Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1902. Т. 4: (Пруссия, Франция, Швеция). С. 141.

⁹³ Шаум Матвей. Tragoedia Demetrio, moscovitica. Известие, как и по каким причинам Шведский военачальник, Яков Делагарди, осадил и завоевал Новгород в России. (Случилось 16 июля 1611 года) // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К. М. Оболенским. М., 1847.

⁹⁴ Запись в челобитной Григорьева на немецком языке в Стокгольме в Гос. архиве.

⁹⁵ ДАИ. Т. 2, № 21. С. 47.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1616 г, № 10.

⁹⁷ Отписка Устюжан к Вычегодцам... 1612, июль // ААЭ. Т. 2, № 210. С. 266–270.

Адольфу⁹⁸. С полным основанием его следует считать приверженцем шведского королевича.

Подписавшийся «Отня монастыря игумен Деонисей» является послом из Новгорода в Москву в 1613 г.; о нем речь была выше.

Подпись игумена Деревяницкого монастыря Леонтия встречается и под приговором новгородцев 25 декабря 1611 г., и под челобитной королю, т. е. в трех документах⁹⁹. Не указывает ли это, что Леонтий, постоянный член Освященного собора? Не является ли и он сторонником Карла Филиппа? Из отписки Д. И. Мезецкого с товарищами царю после 13 декабря 1616 г. узнаем, что архимандрит Киприан «да Антоньевской игумен Павел», подписавшийся первым под приговором 27 июля 1613 г., воспользовавшись отъездом из Новгорода вдовы боярина Одоевского, передали послам через нее ряд сведений¹⁰⁰. Этот факт свидетельствует, что игумен Павел радует царю, но в 1613 г. он, может быть, был настроен иначе.

За подписями игуменов идут подписи светских лиц. Отметим знакомые из них:

1) князь Никифор Мещерский; это «князь Микифор князь Кудеяров сын Мещерской»¹⁰¹, прославляемый «Новым Летописцем» как стойкий противник присяги на имя шведского короля, но в действительности присягнувший в апреле 1614 г. королю под угрозой высылки из Новгорода в Выборг и за это оставленный в Новгороде¹⁰²;

2) «Гость Микифоров сын Коковцев», известно, что Гость Коковцев 14 июня 1614 г. отъехал вместе с другими из полка Самуила Коброна на Бронницы к боярину Д. Т. Трубецкому¹⁰³;

3) Иван Борисов сын Секерин, посол в Москву в 1613 г.¹⁰⁴;

4) Богдан Дубровский в октябре 1612 г. приезжал в Москву с увещательной грамотой митрополита Исидора и вернулся в Новгород с грамотой Временного земского правительства от 15 ноября 1612 г.¹⁰⁵ В настоящее время полностью опубликованы расспросные речи Б. Дубровского в Новгороде по возвращении из Москвы¹⁰⁶. От

⁹⁸ ДАИ. Т. 2, № 21. С. 47.

⁹⁹ ДАИ. Т. 1, № 162. С. 285; ДАИ. Т. 2, № 21. С. 47.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1616 г. № 10.

¹⁰¹ ДАИ. Т. 2, № 9. С. 18.

¹⁰² Новый Летописец // ПРСЛ. Т. 14. С. 138.

¹⁰³ См. нашу работу «К истории Земского собора 1613 г.». *Замятин Г. А.* К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронеж. гос. ун-та. Воронеж. 1926. Т. 2. Гл. I. Примеч. 17. С. 63.

¹⁰⁴ См. выше.

¹⁰⁵ ДАИ. Т. 1, № 166. С. 293.

¹⁰⁶ Русский перевод см: Расспросные речи Богдана Дубровского. 1613 // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 3. С. 16–18.

них остается впечатление, что Б. Дубровский, приверженец шведского королевича: он не сомневается в успехе дела последнего в Москве. Б. Дубровский отъехал к московскому царю 14 июня 1614 г.¹⁰⁷;

5) Петр Лутохин, посол в Москву 1613 г.¹⁰⁸;

6) Истома Демидов; это новгородский гость; его подпись имеется под приговором новгородцев 25 декабря 1611 г. и под челобитной королю 1614 г.¹⁰⁹;

7) Василий Аврамов; его подпись встречается под челобитной королю 1614 г.

О Василии Мотякине, Михаиле и Семене Оничковых, Семене Боборыкине можно сказать, что это новгородские помещики; их имена встречаем среди поручителей о князе Ефиме Мышецком¹¹⁰.

В числе подписавшихся под приговором 27 июля имеются подписи 5 священников, но личности их не удастся выяснить, равно как и личности князей Михаила Кропоткина, Василия Белосельского, митрополичьего дьяка Степана Спячего. Неясна личность старосты Богдана Олферова. Подписи из одного имени (без фамилии., Г. З.) совсем не удастся расшифровать.

Рассмотрение имен подписавшихся под приговором 27 июля 1613 г. позволяет сказать, что в числе подписавшихся некоторые лица принадлежат к сторонникам шведского королевича (например: Пятой Григорьев, игумены Геннадий и Дионисий, Иван Секерин, Петр Лутохин, Богдан Дубровский и др., Г. З.) Хотя о других лицах в нашем распоряжении данных нет, все же и их следует, на наш взгляд, на данном этапе причислить к приверженцам шведской кандидатуры. Не нужно упускать из виду, что ставя свои подписи под приговором после борьбы между сторонниками московской и шведской ориентации, они соглашались отправить посольство из Новгорода в Выборг к Карлу Филиппу.

Перейдем к изучению подписей под челобитной Густаву II Адольфу, поданной после 22 августа 1614 г.¹¹¹ Уже упоминалось, что челобитчики указывают на свою «прямую службу и раденье» шведам. Мало этого. Челобитчики противопоставляют себя тем, «которые отъехали из Новгорода к ворам», они, не ссылались и не будут ссылаться с людьми Московского и Владимирского государств; «Мы,, заявляют челобитчики,, держимся во всем верно го-

¹⁰⁷ См. нашу работу «К истории Земского собора 1613 г.» Гл. I. Примеч. 17.

¹⁰⁸ См. выше.

¹⁰⁹ ДАИ. Т. 1, № 162. С. 285; ДАИ. Т. 2, № 21. С. 47.

¹¹⁰ ДАИ. Т. 2, № 9. С. 18–19.

¹¹¹ ДАИ. Т. 2. № 21. С. 43–47.

сударя своего королевича, пресветлейшего и высокорожденного великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича».

Такова рекомендация челобитчиками самих себя: они верные слуги Карла Филиппа. И это не пустая фраза, как показывает ознакомление с подписями. По склейкам документа идут подписи дьяков Семена Лутохина, Ивана Тимофеева, Пятого Григорьева, Томилы Сергеева. На обороте челобитной находим подписи духовных лиц, числом 7 (все представители черного духовенства, монахи., Г. З.), а за ними 18 подписей светских лиц, в том числе подпись одного князя, Ивана Путятин. Если прибавить подписи дьяков, митрополита Исидора и воеводы Одоевского, то всего будет 31 подпись.

О дьяках Семене Лутохине и Пятом Григорьеве речь была выше. Напомним, что Томила Сергеев, это член посольства в Выборг 1613 г.¹¹²; его подпись встречаем под челобитной послов Делгарди 11 марта 1614 г. по отпуске их из Выборга в Новгород¹¹³.

Большой интерес вызывает подпись дьяка Ивана Тимофеева; это, несомненно, автор любопытного памятника той эпохи, «Временника»¹¹⁴. Кроме известного труда С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени»¹¹⁵ о Тимофееве имеются работы П. Г. Васенко «Дьяк Иван Тимофеев, автор Временника»¹¹⁶ и А. И. Яковлева «Безумное молчание»¹¹⁷.

С. Ф. Платонов собрал биографические данные о Тимофееве. Государев дьяк, Тимофеев в конце 1606 или в начале 1607 года был отправлен на службу в Новгород. В 1608 г. Тимофеев служит государевым дьяком в Новгороде. «Отбыв эту службу не позже начала 1610 года, Тимофеев желал возвратиться в Москву, но не мог по недостатку средств и остался в Новгороде до взятия его шведами. Там он пробыл и все время шведского господства, и легко может быть, что по своей бедности временно находился у новгородского митрополита при каком-нибудь деле»¹¹⁸. Последнее утверждение

¹¹² Там же. № 4. С. 7.

¹¹³ Челобитная Хутынского архимандрита Киприана с товарищами Шведскому фельдмаршалу Делгарди, о дозволении им возвратиться из Выборга в Новгород. 1614, марта 11 // ДАИ. Т. 2, № 15. С. 35.

¹¹⁴ *Тимофеев И.* Временник дьяка Ивана Тимофеева // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // РИБ. Т. 13. С. 261–472.

¹¹⁵ *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в., как исторический источник // Платонов С. Ф. Сочинения. СПб., 1913. Т. 2.

¹¹⁶ *Васенко П. Г.* Дьяк Иван Тимофеев, автор Временника // ЖМНП. 1903. Кн. 3. С. 88–121.

¹¹⁷ *Яковлев А. И.* «Безумное молчание» // Сб. ст., посвящ. В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 659 и след.

¹¹⁸ *Платонов С. Ф.* Цит. соч. С. 163–165.

С. Ф. Платонова требует корректив: как показывает подпись под челобитной, Тимофеев в 1614 г. служил не у митрополита, а дьяком Новгородского государства, как и Семен Лутохин. Ни один из исследователей не обращает внимания на подпись Ивана Тимофеева под челобитной королю и не пытается выяснить политической физиономии дьяка; между тем челобитная определенно свидетельствует, что дьяк Иван Тимофеев, сторонник шведской кандидатуры¹¹⁹.

Из подписавшихся на обороте челобитной нам уже встретились раньше архимандрит Киприан, Антониева монастыря игумен Павел и Вяжицкого монастыря игумен Геннадий. «Игумен Леонтей» это, наверное, игумен Деревяницкого монастыря; о нем говорилось раньше. Трое духовных лиц: Клопского монастыря игумен Варлаам, келарь Юрьева монастыря Филарет и Островского монастыря игумен Иван встречаются впервые.

За подписями духовных лиц идут 18 подписей светских лиц:

1) стоит подпись Василия Трусова; это, очевидно, Василий Иванович Трусов, член новгородского посольства в Выборг (см. выше., Г. 3.);

2) подпись Никиты Вышеславцева; это, Никита Васильевич Вышеславцев также член посольства в Выборг (см. выше., Г. 3.);

3) подписался «Истома Демидов», это, новгородский гость (см. выше., Г. 3.);

4) подписался «Первушка Прокофьев», это гость Первой Прокофьев, член посольства в Выборг; сохранилась его челобитная, которую мы рассмотрим ниже;

5) подпись Степана Горихвостова; это дворянин Степан Тимофеев Горихвостов, член посольства в Выборг (см. выше., Г. 3.);

6) подпись Мурата Пересветова; его подписи в других документах мы встретили, это, боярский сын, в 1616 г. принимавший участие в войне на стороне шведов¹²⁰;

¹¹⁹ Проф. И. И. Полосин устно сообщил мне, что при изучении «Временника» дьяка Тимофеева ему пришлось убедиться в отрицательном отношении автора к царю Михаилу. Работа И. И. Полосина остается в рукописи.

¹²⁰ Присланный к Д. И. Мезецкому с товарищами 4 июля 1616 г. новгородец посадский человек Мокейка Иванов рассказывал: «да посылал-де Яков (Делагарди., Г. 3.) из Нова города по новгородской дороге за неделю до Петрова дни посылку сына боярского Мурата Пересветова, а с ним казаков, которые зимою отъехали к ним (шведам., Г. 3.) из Пскова. Да новгородских татар, а сколько козаков и татар, тово не ведает, для того: слух-де в Нове городе был, что идут по новгородской дороге государевы люди войной, а другие-де люди идут из Осташкова; и тот-де Мурат с казаки и с татары в Новгород приехал до Петрова дни за день, а привезли-де с собою много грабежново платья и лошадей; а с какими вестми к Якову приехал, тово не ведает; а быв-де он, Мурат, у Якова, говорил он там же козаком и тотаром, чтоб они кормили лошади и свои, а будет-де им посылка опять вскоре». РГАДА.

7) подпись Василия Зеновьева, это, судья¹²¹, подпись встречается впервые, личность неясна;

8) Василий Аврамов; его подпись имеется под приговором 27 июля 1613 г. (см. ниже., Г. 3.);

9) стоит подпись князя Ивана Путятин; это, по-видимому, князь Иван Семенович Путятин, один из поручителей за князя Ефима Мышецкого¹²²; данными о Путятине мы не располагаем;

10) подпись Томилы Пристальцова; его характеристика дана выше;

11) подпись Григория Хамова; это новгородский посадский человек; больше у нас данных о нем нет;

12) подпись Ивана Никифорова; его подпись встречается под приговором 27 июля 1613 г.¹²³; сказать о нем что-либо затрудняемся;

13) подпись Ивана Лутохина. Может быть, это Иван Захарьевич Лутохин, один из поручителей за князя Ефима Мышецкого¹²⁴;

14) Степан Поливаев; это, новгородский посадский человек (см. выше челобитную Джону Меррику., Г. 3.);

15) подпись Гавриила Никифорова встречаем впервые, личность неясна;

16) подпись Семена Попова, встречается впервые, личность неясна;

17) Григорий Семенов; его подпись встречается впервые, личность неясна;

18) подпись Родиона Частохина; кто это, сказать не можем.

Сделаем выводы. В социальном отношении мы имеем: а) семь, как сказано, представителей монашества (не считая митрополита Исидора., Г. 3.), б) пять дворян, в) двух гостей, г) трех посадских, д) восемь лиц остаются невыясненными. В начале челобитной сказано, что бьют челом королю «преосвященный Исидор митрополит, и архимандрит и игумены, и протопопы и попы, и весь освященный собор, да боярин и воевода князь Иван Большой Одоевский, и дворяне, и дьяки, и дети боярские, и приказные люди, потом гости, и пятиконецкие старосты, и торговые посадские и всяких чинов жилецкие люди». Приведенное заявление можно считать соответствующим действительности. Обратим внимание на то, что под челобитной стоят подписи 6 членов посольства к Карлу Филиппу в Вы-

Ф. 96. Шведские дела 1616 г, № 8. Мы считаем возможным отождествить этого Мурата Пересветова с подписавшимся под челобитной.

¹²¹ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1616 г. № 7.

¹²² ДАИ. Т. 2, № 9. С. 18–19.

¹²³ Там же. № 4. С. 7.

¹²⁴ Там же. Т. 2, № 9. С. 18–19.

борг. Не забудем, что посланные принесли в Выборге присягу королевичу и поклялись соблюдать договор Новгорода с Делагарди¹²⁵. Едва ли после этого считать неискренним указание челобитчиков на свою «прямую службу и раденье» шведам. В нашем распоряжении нет данных, чтобы судить, в чем выразилась «прямая служба» челобитчиков, не членов посольства, шведам, но сомневаться в правдивости их заявлений мы не имеем оснований.

Таким образом, по нашему мнению, 31 челобитчика необходимо причислить к сторонникам шведской кандидатуры. Они стояли на этой позиции не только в 1613, но и в августе 1614 года¹²⁶.

¹²⁵ Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Кн. 10. С. 196–197.

¹²⁶ Расспросные речи Ивана Филатова приводят как будто к другим выводам. Передавая отказ митрополита и властей и всяких чинов людей Новгородского государства на сделанное Делагарди и Эвертом Горном 20 января 1614 г. предложение унии Новгорода со Швецией, Филатов говорил: собравшиеся «все Якову Пунтусову с великим шумом отказали, что им всем хотя помереть, а королю креста не целовати, а Московского государства от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси отлучным им не быти» (РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1614 г., № 1). Выходит, что новгородцы уже в начале 1614 г. стали за Михаила Федоровича, отреклись от шведской кандидатуры. Необходимо установить наше отношение к рассказу Филатова. Трудно сказать, присутствовал ли новгородский посадский человек Филатов, прибывший к Трубецкому 25 марта 1614 г., на собрании 26 января 1614 г. в Новгороде, передавал ли он как очевидец или говорил со слов других. Речь Делагарди передана Филатовым очень кратко и не вполне точно, что наводит на предположение, что Филатов не был на собрании. Интересно след[ующее]: в грамоте, привезенной Филатовым Д. Т. Трубецкому, новгородские власти просят боярина «обослатися послы или посланники» с Делагарди и предотвратить кровопролитие; при этом они добавляют: «а будет у вас от государя вашего о том указу нет, чтоб сослатися, и вам бы к нам отписати с тем же нашим посланником».

Выходит, что новгородцы вели себя как двурушники: в официальной грамоте они не называют имени Михаила Федоровича, не считают его своим государем, а по рассказу Филатова, не желают быть «отлучниками» от московского царя. Необходимо указать, что Филатов был отправлен с разрешения Делагарди. Вполне возможно, что грамота новгородцев была проконтролирована шведским фельдмаршалом: такой случай мы имеем при Эверте Горне с грамотами новгородцев в Москву, отправленными с Киприаном с товарищами. Думать, что в грамоте отразилось подлинное настроение новгородцев, нельзя. Но с другой стороны, можно ли вполне доверяться речам Филатова? Эти речи записывались дьяком или подьячим с московской стороны. Не допущена ли здесь перекладка? Мы допускаем, что Филатов передавал о нежелании новгородцев отделяться от Московского государства. Эту мысль мы встречаем и в речах новгородских посланных в Ярославле в 1612 г.: ААЭ. Т. 2, № 210) и в ответе Эверту Горну 1614–1615 гг. // ДАИ. Т. 2, № 32.

Не прибавил ли дьяк, записывающий речи Филатова, от себя привычные приказным людям титул и имя Михаила Федоровича с добавлением «всеа Руси»? Возможно и другое. Как указывалось раньше, с Филатовым встречался в Новгороде

Здесь уместно будет использовать еще один источник, извлеченный из шведского государственного архива в Стокгольме, это запись челобитий, с какими обратились некоторые новгородцы к Карлу Филиппу в Выборге 8 сентября 1613 г.

В русской исторической литературе уделялось немало внимания изучению пожалований Сигизмунда III и Владислава; о челобитных шведским королю и королевичу, сколько известно, в работах историков нет речи. Уже поэтому одному наш источник представляет немалый интерес. Но нам он важен как показатель, какой ориентации придерживались челобитчики. Источник на немецком языке.

В источнике записаны челобитья 23 человек. Приступим к рассмотрению их.

1) Первым записано челобитье князя Василия Кропоткина; это дворянин Деревской пятины «князь Василий княж Петров сын Кропоткин», член посольства из Новгорода в Стокгольм, прибывший с королевичем в Выборг и на пути из Выборга в Новгород захваченный казаками и доставленный в Москву¹²⁷, может быть, отец князя Ивана Васильева Кропоткина, выступающего одним из поручителей о князе Ефиме Мышецком¹²⁸. Василий Кропоткин просил пожаловать «за его верную службу» поместьем из коронных земель в виду того, что его прежние поместья разорены врагами; где были поместья, не указано. В. Кропоткин просил также сохранить за ним ежегодный оклад в 24 рубля, какой он получал прежде. Наконец, он просил освободить поместье, какое ему пожалуют, от налогов. Было бы интересно выяснить, в чем проявилось верная служба В. Кропоткина королевичу, но сделать это не удастся за недостатком данных.

2) Вторым записано челобитье Василия Бутурлина. Прежде чем говорить, кто это, познакомимся с челобитьем.

Василий Бутурлин заявлял, что он уже пять лет не владеет своими поместьями, расположенными возле Пскова; он просил пожаловать его до прибытия королевича в Новгород поместьями из коронных земель в Шелонской пятине в Коростынском погосте, де-

Яков Боборыкин и передавал ему немало сведений. Не от Боборыкина ли идет заявление, что новгородцам не быть отлучными от царя Михаила? Но если так, то надо признать, что речи Филатова (пропуск в тексте..., *Я. Р.*), как это делает В. А. Фигаровский (НИС. Вып. 3–4. С. 71). Он игнорирует грамоту, привезенную Филатовым из Новгорода, не подвергает тщательному анализу и челобитную новгородцев королю 1614 г. С методологической точки зрения это не может быть оправдано.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1614 г. № 4.

¹²⁸ ДАИ. Т. 2, № 9.

ревнями, чем бы ему поддержать себя, жену и детей. Имя Василия Бутурлина встречается в переписке между русскими и шведами 1617 года¹²⁹. В отношении русских послов Вас[илий] Бутурлин назван «полонянином», видимо, он попал в плен, почему послы с русской стороны и пытаются добиться его освобождения вместе с другими русскими. Кто это, Василий Бутурлин, о котором идет речь в документе 1617 года? Г. Саблер высказывал предположение, что это бывший новгородский воевода Василий Иванович Бутурлин¹³⁰. У В. А. Фигаровского предположение Г. Саблера превратилось в реальный факт. По словам В. А. Фигаровского, «Бутурлин бежит в Швецию, о чем свидетельствует письмо шведского фельдмаршала Гюлленшера от 23 мая 1617 года русским послам в Столбово»¹³¹.

С изложенным мнением никоим образом нельзя согласиться. Вас[илий] Ив[анович] Бутурлин, как хорошо известно, при захвате Новгорода шведами 16 июля 1611 г. бежал с казаками из города. В апреле 1612 г. он был в Ярославле у Д. М. Пожарского, с ополчением пришел под Москву, в январе 1613 г. был во Владимире, умер летом 1614 г. при отступлении от Бронниц¹³². Если Вас[илий] Ив[анович] Бутурлин умер еще в 1614 г., как могли русские послы вести переписку о возвращении живого Бутурлина из плена в 1617 году? В. А. Фигаровский, видимо, не разобрался в источниках. В поручной записи 1613 г. по родственникам бежавших из Новгорода Лупандиных и Нарбековых в числе подписавшихся новгородских помещиков находим Василия Федорова сына Бутурлина. Не Василий ли Федорович Бутурлин подает челобитную Карлу Филиппу в Выборге? Не он ли становится «полониником» в 1617 году? Одно несомненно: видеть в челобитчике и затем в «полонинике» Вас[илия] Бутурлина, бывшего новгородского воеводу Вас[илия] Ив[ановича] Бутурлина, невозможно; говорить, что последний бежал в Швецию, это значит исказить действительность.

3) Третьим записано челобитье Федора Бутурлина. Это член посольства из Новгорода в Стокгольм. Ф. Бутурлин заявлял, что прежними великими князьями ему было назначено в год 450 бочек зерна, но теперь он имеет не больше 130 бочек; земли опустошены казаками и поляками, «так как он был на службе шведской короне у полковника Эверта Горна против них, когда был убит его старший

¹²⁹ Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. С. 54, 74.

¹³⁰ Там же. Примеч. 29.

¹³¹ Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Вып. 3–4. Новгород, 1938. С. 63.

¹³² Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения. М., 1939. С. 273–274.

брат». Он просил пожаловать «за его верную службу» поместьем князя Михаила Мезецкого, селами с деревнями; он еще при жизни князя Михаила обручился с его дочерью, причем был составлен письменный договор, что названные села будут уступлены ему, Ф. Бутурлину. Ныне князь Михаил умер, как раз в то время, когда Федор Бутурлин был с другими посланными в Швеции. После князя Михаила остались жена и дочь, но поместье передано другим. Ф. Бутурлин просил названное поместье М. Мезецкого передать в его распоряжение согласно ранее заключенному договору. Если к изложенному прибавить, что Федор Бутурлин первым после духовных лиц подписался под приговором новгородцев об отправлении посольства в Стокгольм, то политическая физиономия его станет довольно ясной. Ф. Бутурлин сражался под командой Эверта Горна, подписался под приговором об отправлении посольства в Стокгольм, уехал в 1611 г. с послами в Швецию и, видимо, с ними же и с королевичем прибыл летом 1613 г. в Выборг. Все эти факты рисуют Ф. Бутурлина сторонником шведской кандидатуры.

4) Четвертым является челобитье князя Даниила Мезецкого, отчество неизвестно. Подписи Д. Мезецкого в других документах нам не встречалось. В своей челобитной Д. Мезецкий сообщал, что ныне он уже стар, и не в силах показать никакой службы, и выдвигал вместо себя своего двоюродного брата, Андрея Мезецкого. У Дан[иила] Мезецкого было 600 бочек зерна, но земли у него отняли и дали другим; при каких обстоятельствах это произошло, из челобитной не видно. Андрей Мезецкий имел 140 бочек зерна. Дан[иил] Мезецкий просил оставить за ним 250 бочек зерна, чем бы ему с женой и детьми пропитаться. Мы считаем Даниила Мезецкого новгородским помещиком. Его никак нельзя смешивать с князем Даниилом **Ивановичем** Мезецким, служившим до воцарения Михаила Романова полякам, а в 1615–1617 гг. бывшим послом при мирных переговорах со шведами¹³³.

5) Челобитчик князь Мурза Мышецкий. Выше уже упоминалось, что с Мурзой Мышецким отправлены были в Выборг к Карлу Филиппу грамоты митрополита и воеводы, полученные на месте до 7 августа 1613 г. Возможно, что Мышецкий задержался в Выборге в ожидании послов из Новгорода; он, очевидно, был там еще 8 сентября и имел возможность подать челобитную. М. Мышецкий сообщал, что вначале ему было дано для пропитания на год 450 бочек зерна, но теперь у него не больше 235; 215 у него отняты (кем, неизвестно., Г. З.), оставшиеся за ним земли разорены поляками. Просьба, пожаловать его другими деревнями в Водской пятине в Ладожском уезде.

¹³³ О Данииле Мезецком см.: Любомиров П. Г. Цит. соч. М., 1939. С. 286.

б) Челобитная Гордея Судакова; это дворянин Обонежской пятины. Г. Судаков был в числе послов, отправившихся из Новгорода в Стокгольм в 1611 г., прибыл с королевичем из Стокгольма в Выборг, а на пути из Выборга в Новгород был захвачен казаками и доставлен в Москву в 1614 г.¹³⁴ Г. Судаков писал, что его двоюродный брат, Михаил Судаков был убит как враг, а земли, которыми владел Михаил много лет, князь Михаил Вас[ильевич] Скопин-Шуйский отдал татарину по имени (...) (пропуск имени., А. О.) Этот татарин ныне перекинулся к ворам. Ввиду этого Г. Судаков просил, чтобы ему передали земли его двоюродного брата.

7) Челобитная Романа... Фамилия челобитчика неясна. Роман жаловался, что по ложному доносу слуги его заключили в темницу в Нотебурге и все отобрали. Хотя этот слуга оказался вором и уже находится в заключении, все же Романа не освобождают из тюрьмы. Просьба его, освободить из тюрьмы и использовать на службе шведскому королевичу против врагов. Челобитная Романа была подана, очевидно, через кого-то из новгородских посланных.

8) Юшка Копнин; это, «Юрий Третьяков сын Копнин», сын дьяка Третьяка Копнина, вышедший из Новгорода к русским послам 124 (1615 г., Г. 3.) 12 октября. «В роспросе» Копнин рассказал свою биографию: «Отец-де его, Третьяк, послан был при царе Василье в Старую Русу в диаки и был деи в Старой Русе по Новгородское взятые, а после Ноугородского взятые послал де его из Русы Яков Пунтусов в Свею Юрьева монастыря с архиморитом Никандром да Полуехтом Колычевым к Свейскому королю говорити о королевиче, а он де королевичь оставил у себя, и был де он в немцах 30 недель. И как деи в немцы пришли Хутыня монастыря архиморит Кипреян с товарищи, и он де, Юрья, у королевича послы упростили, и он де с ними пришел в Новгород, и из Нова города его не отпустил Монша Мартынов, и жил де он в Нове городе и с матерью за поруками, а мать де его и меншие братья и ныне в Нове городе»¹³⁵.

Отправленный послами в Москву, Юрий Копнин там, на допросе заявил: «...побежал он из Нова города на Покров святей богородицы нынешнего 124-го году», т. е. на 1 октября 1615 года. Ю. Копнин сообщил в Москве немало важных сведений. К сожалению, он не объяснил, что побудило его бежать из Новгорода в Москву¹³⁶. Он не сообщил ничего и об отце, возможно потому, что не знал о поимке отца вместе с другими новгородскими посланными

¹³⁴ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1614 г. № 4.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1615 г. № 10.

¹³⁶ Там же.

казаками и о доставлении отца в Москву¹³⁷. В Выборге Ю. Копнин указывал, что ему за его поручение было сказано 300 бочек зерна без поместья, но он до сих пор ничего не получил. Просьба его, обеспечить его за службу помещьем с таким же доходом.

9) Поп... (?., Г. З.) просит освободить его сад в Новгороде от всяких налогов «ради его (попа., Г. З.) верной службы».

10) Подьячие Петр Копнин («Петр Третьяков сын Копнин», Г. З.)¹³⁸ и Орефа Башмаков, указывая, что их поставили первого на место Посника Аникиева, второго на место (...) (пропуск имени., А. О.), просили пожаловать их деньгами и продовольствием, как были пожалованы их предшественники. Оба подьячие уехали в Стокгольм вместе с посольством 1611 года, с послами же приехали в Выборг, а на пути из Выборга в Новгород захвачены казаками и доставлены в Москву¹³⁹.

11) Купец Иван Иголкин просил освободить его сад в Новгороде от налогов, предоставив ему право свободно, беспошлинно торговать в Московском государстве, пожаловать ему деревню без налогов, наконец, присвоить ему звание «гостя», как именуется его брат Степан, и выдать ему на то подтвердительную грамоту. Братья «Степан да Иван Юрьевы дети Иголкина» были в числе послов в Стокгольм в 1611 г. и с королевичем приехали в 1613 г. в Выборг. Отпущенные из Выборга в Новгород, братья на пути были захвачены казаками и доставлены сначала в Псков, а из Пскова в Москву¹⁴⁰.

12) Дмитрий Зеленин; это, дворянин «Вотцкие пятины»¹⁴¹. В челобитной Д. Зеленин заявлял, что он верно служил короне шведской с самого начала, как фельдмаршал Яков Делагарди пришел под Новгород. Он просил увеличить его поместье и денежное жалование; он указывал, что в то время, как он был вместе с другими послами в Швеции, его крестьяне и поместья были ограблены поляками и казаками. Заявление Д. Зеленина о верной службе шведской короне соответствует действительности. Известно, что Д. Зеленину вместе со шведом Брюнно, было поручено отвезти под Москву копию договора Новгорода с Делагарди 25 июля 1611 г.¹⁴² Но в то время, как Брюнно под Москвой был задержан¹⁴³, Д. Зеленин, надо

¹³⁷ Там же. Ф. 96. Шведские дела 1614 г. № 4.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² См. грамоту из Новгорода московским боярам 1615 г. // НИС. Новгород, 1937. Вып. 2. С. 74.

¹⁴³ Он вернулся в Новгород лишь в феврале 1613 г. См. нашу работу «К истории Земского собора 1613 г.», где в приложении напечатаны речи Брюнно по возвра-

думать, возвратился в Новгород в том же 1611 г. и уехал с посольством Никандра в Стокгольм, а оттуда вместе с другими послами прибыл в Выборг. Отпущенный из Выборга в Новгород, Д. Зеленин, как и другие, был захвачен на пути казаками и доставлен в Псков, а оттуда в Москву¹⁴⁴. Д. Зеленина мы с полным основанием можем признать сторонником шведской кандидатуры.

13) Никита Калитин сообщал, что время, как он был с другими послами в Швеции, его поместья в Новгородском государстве были совершенно опустошены и разграблены поляками и казаками, так что его жена и дети вышли оттуда едва живыми в Новгород. Он просил закрепить за ним след[ующие] деревни (...) (не указаны., *А. О.*) погоста: (...) (не указан., *А. О.*), чем бы ему жить с женой и детьми. Подробные сведения о Никите Калитине собраны нами в другой работе¹⁴⁵. Напомним здесь, что Н. Калитин, член посольства в Стокгольм 1611 г., был в Выборге, а оттуда отпущен в Новгород. Будучи захвачен на пути казаками и доставлен вместе с другими посланными в Псков, Калитин сумел убежать в Новгород. Здесь Калитин поцеловал крест шведскому королю, стал «у короля дворянином», даже отправился с королем подо Псков. В 1620 г. Калитин был принят в шведское дворянство. Н. Калитина нельзя не характеризовать как изменника родине. Не лишнее добавить, что на сторону шведов перешли тесть Калитина, Федор Григорьевич Аминев, и сын Аминова, Исай Федорович¹⁴⁶.

14) Иван Герланов, купец, жаловался, что он не получил денег за товары, доставленные Якову Делагарди и его воинам при осаде Нотебурга и в последующее время. Он просил уплатить ему их без задержки в Новгородском лене.

15) Степан Иголкин и Иван Харламов помимо освобождения своих садов и поместий от податей просили предоставить свободную торговлю в Московском государстве. Кто эти лица, хорошо известно, что «гости» новгородские, оба члены посольства в Стокгольм 1611 г.¹⁴⁷ Со Степаном был брат Иван (см. выше., *Г. З.*). При возвращении из Выборга в Новгород оба брата были захвачены казаками, доставлены в Псков, а оттуда в Москву. В списке доставленных читаем: «...гости Степан да Иван Юрьевы дети Игол-

щени в Новгород // Труды Воронежского государственного университета. 1926. Т. 3.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1614 г. № 4.

¹⁴⁵ *Замятин Г. А.* К истории Земского собора 1613 г. С. 32–33.

¹⁴⁶ *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. С. 63. Примеч. 2. и С. 65–66.

¹⁴⁷ ДАИ. Т. 1, № 162.

кина»¹⁴⁸. Из приведенной выше челобитной Ивана видно, что он еще не был гостем, он просит возвести его в звание гостя. Возможно, что его просьба была удовлетворена. Про Степана Иголкина немало писали из-за инцидента, устроенного им на первой аудиенции новгородских посланных у шведского королевича 28 августа 1613 г. Передадим инцидент словами покойного Г. В. Форстена: «Первая аудиенция окончилась любопытным событием. Шведские послы стали требовать, чтобы уполномоченные от Новгорода подтвердили свою верность и покорность герцогу крестным целованием и собственноручной подписью и поклялись свято соблюдать свой договор с Яковом Делагарди. На это требование встал «бургомистр» Новгорода Иголкин. “О какой клятве идет тут речь?, спросил он., Уж не намерены ли шведы подчинить русских своей короне? Но русские так же мало желают отдаться Швеции, как и подчиниться Польше”. Шведские послы не нашлись, что ответить на такое резкое заявление, и разошлись»¹⁴⁹. В новейшем издании шведского генерального штаба (*Sveriges krig 1611–1632*) инцидент с Иголкиным изложен почти в тех же выражениях, здесь только добавлено, что эпизод с Иголкиным изложен в особом письме комиссаров, а не в протоколе¹⁵⁰.

Выступление Иголкина следует рассмотреть внимательнее. Против чего он протестует? Он несколько не возражает против признания царем шведского королевича. Он высказывает лишь опасение, как бы Швеция не подчинила себе Новгород; против унии со Швецией.

Необходимо подчеркнуть, что на этой позиции стояли новгородцы.

Возьмем договор Новгорода с Делагарди 1611 г.: здесь встречаем, с одной стороны, признание одного из сыновей Карла IX царем, с другой, заботу о сохранении прежних границ Московского государства со Швецией (уступают лишь Кексгольм., Г. 3.).

Возьмем челобитную новгородцев Густаву II Адольфу 1614 г. И здесь новгородцы, с одной стороны, изъявляют готовность всюду

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1614 г. № 4.

¹⁴⁹ Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Кн. 10. С. 194–195.

¹⁵⁰ Даем в русском переводе интересующее нас место. Комиссары потребовали «крестным целованием подтвердить обязательство остаться верными и послушными Карлу Филиппу и твердо держаться договора 1611 г. Тогда поднялся из их среды (т. е. новгородцев., Г. 3.) бургомистр Иголкин и просил, что это за клятва? Не хотят ли Новгород подчинить короне Швеции? Они столь же мало желают отдаться (Швеции., Г. 3.) как и польскому королю, потому что их дети живут в Новгородском государстве». Сильно сконфуженные русские взвели всю вину на Иголкина: «...он выбросил такое слово необдуманно и в нетрезвом виде».

«головы свои положить» за Карла Филиппа, с другой, просят «учинити» «по утвержденным записем», как договорился Делагарди, «что было Ноугородцкого государства и городов и уездов под Свейскую корону не подводити»¹⁵¹, другими словами, признают королевича государем, но под властью Швеции быть не хотят. Степан Иголкин высказал мысль новгородцев в резкой форме.

Может быть, шведские комиссары, требуя 28 августа 1613 г. новой присяги от новгородских посланных, добивались унии Новгорода со Швецией? В. А. Фигаровский отвечает утвердительно: «Переговоры в Выборге по существу велись... (пишет он., Г. З.) не об избрании королевича русским царем, а о «добровольном» присоединении «Новгородского государства к Швеции»¹⁵². С этим согласиться нельзя. По словам Г. В. Форстена, речь шла о подтверждении новой клятвой верности договору 1611 г. Несколько дней спустя новгородские посланные принесли требуемую шведскими комиссарами присягу¹⁵³. Они поклялись верно служить королевичу; при этом экземпляр договора Новгорода с Делагарди положен был под крест, который целовали, подходя, посланные.

Была ли это присяга на имя короля, признание унии? Ни в каком случае. Если допустить, что новгородские посланные присягнули на имя короля в сентябре 1613 г., признали унию, тогда зачем было Т. Пристальцову в январе 1614 г. говорить, что с ним есть приказ от митрополита, воеводы и других новгородцев послам, целовать крест королю? (см. выше., Г. З.). В. А. Фигаровский, не имея под руками источников на шведском языке, просто фантазирует. Не прочитав подлинник документов, он, тем не менее, имеет смелость утверждать, будто Г. В. Форстен, «как и Г. Замятин, ошибочно полагает, что главным вопросом при переговорах (в Выборге., Г. З.) был вопрос об избрании королевича русским царем»¹⁵⁴. Он мог бы причислить к ошибающимся и шведских ученых, авторов статей в изд. (...) (не указано., А. О.), если были бы ему известны, словом всех, за исключением себя. Вот уж подлинно «с больной головы да на здоровую». Удивительно, как такие перлы пропускает без оговорок столь авторитетный редактор сборника, акад. Б. Д. Греков...

Отказался ли Степан Иголкин от присяги, когда ее приносили другие новгородские посланные? Можно утверждать, что не отказался. Отказ непременно был бы отмечен в протоколах и, вероятно,

¹⁵¹ ДАИ. Т. 2, № 21. С. 47.

¹⁵² Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Новгород, 1938. Вып. 3–4. С. 67.

¹⁵³ Форстен Г. В. Цит. соч. С. 196.

¹⁵⁴ Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Новгород, 1938. Вып. 3–4. С. 68, примеч.

повлек бы за собой репрессии, но ничего подобного в источниках не имеем. Степана Иголкина отпустили из Выборга в Новгород.

В итоге мы приходим к выводу, что С. Иголкин, противник унии Новгорода со Швецией, но не противник Карла Филиппа.

Что касается Ивана Харламова, то хорошо известно, что он совсем уехал на житье в Колывань¹⁵⁵. Когда это произошло? В 1611 г. Харламов уехал послом в Стокгольм, в 1612 г. прибыл отсюда в Выборг. В списке новгородских посланных, захваченных и доставленных сначала в Псков, а из Пскова в Москву, имени Ив. Харламов не находим. Видимо, он не поехал из Выборга в Новгород. Король, по словам шведских уполномоченных, дал Харламову поместье. Таким образом, Харламов совсем перекинулся на сторону шведов, изменил родине. Уехал он в Швецию добровольно.

16) Дьяк Третьяк Копнин. Мы передали выше его биографию в связи с биографией его сына Юрия (см. выше., Г. 3.).

17) О дьяке Пятом Григорьеве речь была выше.

18) О госте Первом Прокофьеве также была речь раньше. Из челобитной его узнаем, что старый, больной ногами Прокофьев просил, чтобы его отпустили в Новгород, а вместо него в Выборге оставили его сына. Это была его первая просьба. Во-вторых, он просил освободить его от уплаты ежегодного налога в сумме 2 р. за сад, находящийся (...) (не указано., А. О.) на улице¹⁵⁶. В третьих, он жаловался на большие убытки. В 1607 г., когда Прокофьев с двумя своими сыновьями, Степаном и Иваном, были с товарами в Ивангороде, ивангородцы передались Димитрию. Прокофьева заключили в тюрьму, где он просидел до тех пор, пока Димитрия не убили под Москвой. Так как ехать в Новгород Прокофьеву было нельзя (крепость была на стороне Шуйского., Г. 3.), то он три года жил в Пскове и Печерах. Вспыхнувший в Пскове пожар уничтожил у Прокофьева товаров на сумму свыше 300 рублей. После того и остановился под Новгородом Керзоницкий, забравший у Прокофьева немало товаров. Еще позднее пришел под Печеры Лисовский; и он получил от Прокофьева много разных товаров. Убытки Прокофьев вычислял на сумму до 3900 р. Из-за убытков он с детьми впал в долги и обнищал. На этом основании он просил освободить его с сыновьями от налогов.

19) Василий Симогов. Известно, что это не первое челобитье Симогова. До нас дошло пожалование Симогову Густава II Адольфа 10 января 1612 г. Из него выясняется, что Симогов служил дворец-

¹⁵⁵ Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 45.

¹⁵⁶ Может быть, это Нутная улица, находившаяся на Торговой стороне в Славенском конце. См.: Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. // ЛЗАК. СПб., 1912. Вып. 24. С. 218 и др.

ким у патриарха в Москве и за свою службу получил поместья в ... (не указано., *А. О.*), а также в Дмитровском уезде. После того, как поляки захватили названную крепость, Симогов, не желавший оставаться у поляков, уехал в Новгород. В Новгороде фельдмаршал прикомандировал его к митрополиту, потом маршалком в (...) (не указан., *А. О.*) город. Не имея даже бочки зерна для пропитания, Симогов обратился с челобитной к Густаву II Адольфу. Король пожаловал ему поместье в Новгородском лене из земель дома святой Софии, какое раньше имел дворецкий митрополита. Фельдмаршалу предписывалось сделать, что необходимо. Из челобитной Симогова, поданной в Выборге, узнаем, что Симогов служил маршалком у митрополита. Видимо, Делагарди выполнил волю короля. Однако митрополит Исидор отрешил Симогова от должности и отобрал у него поместье. За какие провинности Симогов был отстранен от должности, из челобитной не видно. В. Симогов просил оказать содействие, чтобы митрополит снова принял его на службу маршалком и возвратил поместье.

20) Новгородский купец Иван Сергеев просил уплатить ему за взятые у него шведами, в частности Эвертом Горном, товары и освободить от пошлин.

21) Князь Никита Кропоткин через своего брата Василия Кропоткина сообщил, что его поместья опустошены поляками и казаками; кроме того, минувшим летом при осаде Тихвина, когда он верно сражался против врагов Швеции, у него убили две лошади. Он просил пожаловать его поместьем в Водской пятине в Голинском погосте на 15 бочек зерна деревнями (...) (не указаны., *А. О.*), а также (...) (не указаны., *А. О.*) с крестьянами.

22) Овсей Рязанов; это «Овсей Дмитриев сын Резанов», новгородский помещик¹⁵⁷. Известно, что с ним была послана в Новгород королевская грамота 12 июня 1613 г.¹⁵⁸ с извещением об отпуске Карла Филиппа в Выборг. После того Рязанов, надо думать, вернулся в Выборг, где и подал челобитную. В январе 1614 г. его имя фигурирует среди поручителей о князе Ефиме Мышецком¹⁵⁹. В челобитной Рязанов указывает, что у него было поместье в Тихвинском уезде, но в его отсутствие (возможно, после отпадения Тихвина от шведского королевича., *Г. З.*) оно опустошено, так что ему с женой и детьми нечем кормиться. Он просил пожаловать его небольшим поместьем под Новгородом, чем бы ему поддержать себя с родными до прибытия королевича.

¹⁵⁷ ДАИ. Т. 2, № 9. С. 18.

¹⁵⁸ ДАИ. Т. 2, № 3. С. 5.

¹⁵⁹ Там же. Т. 2, № 9. С. 18.

Мы детально рассмотрели челобитные, поданные новгородскими посланными Карлу Филиппу в Выборг. Подведем итоги. В числе 23 челобитчиков находим: 4 князей, 6 дворян, 4 гостей купцов, 2 дьяков, 2 подьячих, 1 митрополичьего дворецкого, 1 служителя культа, 1 писаря (Юшка Копнин., Г. З.), личность одного не удастся выяснить. Челобитья идут от представителей высших слоев новгородского общества; нет ни одной челобитной от посадских людей. Из челобитчиков 9 человек являются членами новгородского посольства в Стокгольм 1611 г. Как известно, они в бытность в Выборге в 1613 г. принесли новую присягу Карлу Филиппу, обязались соблюдать договор Новгорода с Делагарди 1611 г.

Их смело следует причислить к приверженцам шведской кандидатуры. Полагаем, что не членов посольства, подавших челобитные, необходимо считать также сторонниками шведского королевича. Князь Никита Кропоткин при осаде отпавшего от шведского королевича Тихвина сражается против врагов Швеции. Этот показатель решает вопрос, куда тянет Н. Кропоткин.

Нам необходимо еще подвергнуть анализу подписи под приговором новгородцев 25 декабря 1611 г. об отправлении посольства в Стокгольм. Сначала несколько слов о послах. О большинстве из них (о 9 чел., Г. З.) была речь выше. Двое из послов: П. М. Колычев и М. Б. Боборыкин, умерли в Швеции, один в г. Або, другой в Стокгольме. Об архимандрите Никандре, игумене Антонии, дьяконе Феодосии данных в нашем распоряжении нет.

Рассмотрим теперь подписи под приговором. Приговор заканчивается после упоминания о приложении печатей митрополитом Исидором и воеводой Одоевским такими словами: «...а я архимандрит Хутыня монастыря Трифон, и игумены, и дворяне, и диаки, и дети боярские и всякие люди руки свои приложили». Подписей всего 75, а с подписями митрополита Исидора, боярина Одоевского и архимандрита Трифона 78. Но это не все подписи: конечный лист приговора утрачен. В числе подписавшихся находим 4 игуменов, поставивших свои подписи впереди, 3 князей, 4 пятиконецких старост, 1 «шолковника», 2 «сапожников», 1 «красильника», 1 «кожевника», 2 «перечников», 1 «ветошника», 1 «котельника», иными словами, ремесленников, у остальных не указаны ни звание, ни должность, ни профессия.

Попытаемся разгадать личности подписавшихся. Из подписавшихся 4 игуменов, (любопытно, что подписей представителей белого духовенства под приговором нет., Г. З.) о двух игуменах, Геннадии и Леонтии, была речь раньше. Среди подписавшихся светских лиц знакомыми являются:

1) Федор Бутурлин, челобитчик в Выборге (см. выше., Г. 3.)

2) Князь Федор Оболенский; это «князь Федор князь же Тимофеев сын Черной Оболенской», новгородский помещик¹⁶⁰. Оболенский был в качестве новгородского посланника в Ярославле и выступал за шведского королевича на заседании Земского собора 26 июня 1612 г.¹⁶¹ Позволительно считать его на данном этапе сторонником Карла Филиппа. В ноябре 1613 г., январе 1614 г. Оболенский выступает в Новгороде поручителем по родственникам бежавших из Новгорода Лупандиных и Нарбековых и по готовом бежать князе Ефиме Мышецком, ручается, как и другие, за Мышецкого; «быти ему, за нашу порукою, в Великом Новгороде, и из Новагорода без государева указу и без боярского ведома никуда не съезжати и не изменити, к вором и в воровские города не отъехати, и с воры не ссылатце», а в июне 1614 г., т. е. через полгода приблизительно, приезжает «от немецких людей из-за Мсты реки из Самойлова полку Кобрина» на Бронницы к Д. Т. Трубецкому¹⁶², другими словами, поступает, как Мышецкий, бежит из Новгорода. Ф. Оболенский, очевидно, был в полку Самуила Коброна, служившего по найму шведскому королю. Чем объяснить перемену в поведении Ф. Оболенского? Вспомним, что 12 мая 1614 г. произошла стычка отрядов московского войска под командой Исаака Погожева с полком Коброна, после которой «Немецкие люди» отступили «с версту»¹⁶³. Нельзя ли именно с этим фактом связать перемену в поведении Ф. Оболенского? Для нас ясно одно: Ф. Оболенский не желает сражаться на стороне шведов против единокровной московской рати.

3) Никон Бутурлин; это, вероятно, «Никан Федоров сын Бутурлин», новгородский помещик.

4) Богдан Дубровский; о нем была речь раньше.

5) Елизарий Корсаков («Елизарей Карсаков»); он привез 23 июля 1613 г. от новгородских посланных архимандрита Никандра с товарищами грамоту с извещением, что Карл Филипп прибыл 9 июля 1613 г. в Выборг¹⁶⁴.

6) Василий Трусов; это дворянин Водской пятины Вас[илий] Ив[анович] Трусов, член посольства из Новгорода в Выборг (см. выше., Г. 3.).

7) Никита Милюков; это, вероятно, «Деревской пятины Микита Иванов сын Милюков», перебежавший в июне 1614 г. вместе с

¹⁶⁰ ДАИ. Т. 2, № 9. С. 17.

¹⁶¹ ААЭ. Т. 2, № 210. С. 266–270.

¹⁶² См. нашу работу «К истории Земского собора 1613 г.». С. 63.

¹⁶³ ДАИ. Т. 2, № 16. С. 36.

¹⁶⁴ ДАИ. Т. 2. № 4. С. 6.

Ф. Оболенским, Б. Дубровским и др. из полка Коброна к московскому войску на Бронницы¹⁶⁵.

8) Парфеней Нарбеков; это, наверное, Парфен Нарбеков, летом 1613 г. убежавший из Новгорода с Угримом Лупандиным (см. выше., Г. 3.).

9) Князь Ефим Мышецкий; это «князь Еуфим князь же Федоров сын Мышецкой», новгородский помещик; в ноябре 1613 г. он выступает поручителем по родственникам Лупандиных и Нарбековых, а в январе 1614 г. уже составляется поручная запись о нем, Мышецком; поручаются за него 57 новгородских помещиков, гостей, подьячих, посадских и др. людей. Приходится заключать, что князь Ефим Мышецкий был в Новгороде видным, влиятельным человеком.

10) Игнатий Харламов; кто это, дворянин ли Шелонской пятины Игнатий Жданов Харламов, член посольства в Выборг (или «Игнатей Харитонов сын Харламов»¹⁶⁶, Г. 3.), решить затрудняемся.

11) Степан Горихвостов; это дворянин Обонежской пятины Степан Тимофеев Горихвостов, член посольства в Выборг 1613 г.¹⁶⁷, о нем была речь раньше.

12) Иван Боранов, вероятно, это Иван Захарьев Боранов, посланный «для толмачества» с послами в Выборг¹⁶⁸.

13) Докучайко; это, вероятно, Докучай Сласницын, пятиконецкий староста 1614 г.¹⁶⁹ Известно, что ему с товарищами поручено было опросить в Новгороде «во всех улицах и в слободах, у гостей, и улицких старост, и у посадских и жилецких и у всяких людей»: хотят ли они присягать на имя короля. Докучай, из посадских людей. В РГАДА сохранилась челобитная царю Михаилу, поданная новгородскими посадскими людьми «Докучайком Сласницыным», Андреем Васильевым и Максимом Корзихиным «вместо всех достальных посадских людишак». Она привезена была тайно, ночью, вероятно, 30 декабря 1616 г. Докучаем Сласницыным и Андреем Васильевым. Челобитчики просят царя избавить их возможно скорее «от злаго томления»¹⁷⁰. Сохранилось еще письмо Ждана Игнатъева и Докучая Сласницына Я. Деллагарди после 9 июня 1617 г.

¹⁶⁵ См. цит. выше нашу работу «К истории Земского собора 1613 г.». С. 63.

¹⁶⁶ ДАИ. Т. 2, № 4. С. 6.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Память новгородским пятиконецким старостам об отобрании от жителей показаний, хотят ли они присягать на верность службы шведскому королю Густаву Адольфу, или оставаться при прежней присяге, данной ими брату его принцу Карлу Филиппу. 1614, август // ДАИ. Т. 2, № 20. С. 41–43.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1617 г. № 1.

из Ругодива. Волей или неволей эти лица оказались в Ругодиве, сказать трудно¹⁷¹.

Принимая во внимание подпись под приговором 25 декабря 1611 г., ответы на вопрос о присяге королю, челобитную царю Михаилу, мы склонны предположить, что Д. Сласницын пережил процесс перехода от шведской ориентации к московской.

14) Истома Демидов; это новгородский гость; о нем уже говорилось раньше.

Другие подписи под приговором нам не удалось расшифровать.

Считаем возможным всех подписавшихся под приговором зачислить в сторонники шведской кандидатуры.

Совершенно противоположное мы наблюдаем среди новгородских землевладельцев. Из среды дворян выходят с одной стороны такие ярые приверженцы Швеции, как Никита Калитин, с другой, такие сторонники Москвы, как Я. Боборыкин, У. Лупандин и др.

Важные выводы о настроении дворян получаются, если сравнить с разобранными нами четырьмя источниками две поручительные записи. В записи 1613 г. упомянуто 27 новгородских помещиков, а подписей имеется 14, в записи 17 января 1614 г. поручителей упомянуто 57, а подписей имеется 34¹⁷². Из упомянутых в поручительских записях помещиков под приговорами 25 декабря 1611 г. и 27 июля 1613 г. находим имена немногих (кн. Федора Оболенского, Гостя Коковцева., Г. З.).

Чем это объяснить? Может быть, помещики не присутствовали на собрании? Но если не присутствовали, то по какой причине? Не потому ли, что они относились отрицательно к избранию Карла Филиппа царем? Прежде чем сделать вывод, отметим еще некоторые детали. В поручительных записях Карла Филиппа совсем не именуют «нашим» государем; в противоположность наказу Дионисию и дворянам, отправленным в Москву, в записях пишут: «...и на нас на поруччиках пеня пресветлейшаго и высокороженнаго государя королевича и великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича» (без «нашего», Г. З.). В 1613 г. новгородские помещики уже начинают изменять шведскому королевичу. Имена «изменников» Нарбековых, Лупандиных встречаются в наказе Дионисию. Отметим, что в первой поручительной записи 20 ноября 1613 г. фигурирует в качестве поручителя князь Ефим Федорович Мышецкий, а в январе (17-го., Г. З.) 1614 г. составляется поручительная запись по

¹⁷¹ *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. С. 40–41.

¹⁷² ДАИ. Т. 2, № 9. С. 17–19.

Е. Мышецкому. Как видно, настроение помещиков неустойчивое. В марте 1614 г. архимандрит Киприан с товарищами пишут из Выборга в Новгород: «...слух, господа, нас здесь доходит, что из Великого Новгорода многие дворяне, и дети боярские, и всякие люди, сговорятся меж себя с такими ж воры в Новгороде, во всяких чинех, во всяких людех смуту чинят, и для де того в Новгороде во всяких людех чинитца шатость»¹⁷³; по словам Киприана, шведские комиссары в Выборге изумляются, что «многие ратные люди, государю (т. е. Карлу Филиппу., Г. З.) поцеловав крест, да изменили, из Великого Новгорода отъехали к воровским людям». Таким образом, едва ли можно сомневаться, что среди новгородских землевладельцев образовалось два стана: сторонников Москвы и приверженцев Швеции; может быть, первых было даже большинство.

Какие мотивы руководили сторонниками Москвы? Не станем упускать из виду, что в половине 1613 г. началась борьба с Тихвином и Гдовом, а в конце 1613 г. московская рать повела наступательные действия против Новгорода. Дворянам, несшим ратную службу, предстояло стать решительно на какую-нибудь одну из борющихся сторон. Мы уже упоминали раньше, что в июне 1614 г. перебежали из полка Коброна, служившего шведам, к московскому войску на Бронницы Ф. Оболенский, Н. Милюков, Б. Дубровский и др., очевидно не желавшие сражаться на стороне шведов против своих единокровных братьев. Но с другой стороны, известно, что на стороне шведов выступают в 1613 г. Никита Кропоткин (см. выше., Г. З.), а позже три сына боярских «новгородцов: Семен Боборыкин, Григорей Негановской, Мурат Пересветов»¹⁷⁴. Первые два встречаются в числе поручителей о Е. Мышецком¹⁷⁵, подпись третьего имеется под челобитной королю 1614 г.¹⁷⁶ В 1616 г. Д. И. Мезецкий с товарищами сообщали царю, что в Новгороде «татаров жертвовали свейскому королю ноября в 13 день, а приневолил-де, государь, их целовати крест, угроживаючи всякими мерами, твой государев изменник, Гришка Негановской»¹⁷⁷.

Возможно, что на новгородских дворян подействовала обнаружившаяся еще в 1613 г. слабость шведов: последние ведь не смогли овладеть отпавшими Тихвином и Гдовом; к концу 1613 г.

¹⁷³ Отписка Хутынского архимандрита Киприана с товарищами новгородским митрополиту Исидору, воеводе князю Ивану Одоевскому и земским чинам о распространявшихся в Выборге слухах насчет враждебных отношений новгородцев к шведам. 1614, марта 5 // ДАИ. Т. 2, № 13. С. 33.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1616 г. № 7.

¹⁷⁵ ДАИ. Т. 2, № 9. С. 18.

¹⁷⁶ Там же. № 21. С. 47.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела 1616 г. № 10.

Делагарди сконцентрировал свои силы у Новгорода¹⁷⁸. Может быть, наконец, дворяне опасались, что с утверждением в Новгороде шведского королевича произойдет мобилизация земельной собственности, похожая на ту, что была после присоединения Новгорода к Москве.

Чем руководствовались те, кто тянул к Швеции? В разобранных выше челобитных новгородцев, поданных в Выборге, постоянно попадают жалобы помещиков на разорение поместий поляками и казаками. Видимо, челобитчики нуждались во власти, которая могла бы защитить их собственность; этой сильной власти они искали у иностранцев, шведов.

Среди торговых людей в Новгороде также наблюдается раскол. Между ними встречаются такие лица, как Томило Пристальцов, Богдан Шорин, гость Иван Харламов, Тимофей Хахин и т. д.; некоторые из них совсем уезжают из Новгорода в шведские города. С другой стороны, встречаются лица, придерживающиеся московской ориентации. Таков гость Коковцев (полное имя его, «гость Микифор сын Коковцев», *Г. З.*)¹⁷⁹. Согласно отписке Д. Т. Трубецкого царю 14 июня 1614 г. гость Коковцев приехал из полка Коброна вместе с другими на Бронницы к московской рати. Нельзя не подчеркнуть, что данных о лицах вроде Коковцева у нас немного. Создается впечатление, что торговые люди больше тянули к Швеции. Переезд Харламова в Колывань как будто свидетельствует о тяготении торговых людей к торговле по Балтийскому морю, а эту торговлю могла обеспечить Швеция.

Трудно составить отчетливое представление о настроении ремесленников. В письме к Оксеншерне 6 июля 1613 г. Делагарди отмечает, что без вельможи митрополита и боярина Одоевского простые люди не могут сами ничего решить. Так как митрополит и воевода в 1613 г. стояли за шведского королевича, то приходится допустить, что и ремесленники в Новгороде стоят за Карла Филиппа. Этот вывод как будто бы подтверждается и приговором 25 декабря 1611 г. об отправлении посольства из Новгорода в Стокгольм. Среди подписавшихся под приговором находим подписи: «Данилка красилник руку приложил. Терех сапожник... Михалка кожевник... Исайко котелник» и т. д.

Стоит обратить внимание еще на один факт. В приговоре 25 декабря 1611 г. читаем: «...а как велеможный и высокорожденный Карло король сына своего нам государя пожалует даст: и нам митрополиту Исидору, и архимаритом и игуменом и протопопом, и

¹⁷⁸ Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Кн. 10. С. 201, 202.

¹⁷⁹ ДАИ. Т. 2, № 9. С. 18.

всему освященному собору, за него государя бога молити, **по своему обещанью**, а мне боярину и воеводе князю Ивану Никитичю большому Одоевскому, и дворяном, и дьяком, и детем боярским, и всяким служилым людем, и гостем, и пятиконецким старостам, и всяким людем ему государю служитьи и прямити и добра хотети во всем, в правду, безо всякие хитрости, **по его государеву крестному целованью** и по утвержденным записем»¹⁸⁰. Очевидно, новгородцы присягали шведскому королевичу. Об этой присяге имеются упоминания и в других документах¹⁸¹. Когда же она состоялась? По сообщению М. Шаума, присяга в Новгороде состоялась 25 июля 1611 г.

Таким образом, Новгород так же целовал крест шведскому королевичу, как Москва присягала в августе 1610 г. Владиславу польскому. Факт принесения присяги в Новгороде, к сожалению, изучен недостаточно. Насколько широкий круг жителей принес присягу? Мы полагаем, что присягали в июле 1611 г. не только дворяне, но и ремесленники. Присяга, довольно яркий показатель ориентации. Под приговором 27 июля 1613 г. профессия у подписавшихся не указана. Равным образом не указана она и под челобитной Густаву II Адольфу 1614 г. Это затрудняет исследование. Все же мы допускаем, что часть ремесленников по примеру митрополита Исидора и воеводы Одоевского стояла и в 1613 г. за шведского королевича; распространить этот вывод на все ремесленное население в Новгороде не решаемся за недостатком данных. Указать количество сторонников шведского королевича в Новгороде, разумеется, невозможно, но не лишнее обратить внимание на след[ующий] факт: под приговором 25 декабря 1611 г. подписалось 78 человек, причем это еще не все подписи; под приговором 27 июня 1613 г. подписей всего лишь 53. Уменьшение подписей не говорит ли о том, что ряды сторонников Карла Филиппа в Новгороде в 1613 г. уже стали редеть? Как бы ни решать этот вопрос, но в июле 1613 г., во время «смуты» в Новгороде победа оставалась за сторонниками шведского королевича во главе с митр[ополитом] Исидором и боярином Одоевским. Они-то и отправили почти одновременно посольство во главе с Киприаном в Выборг и посольство во главе с Дионисием в Москву.

Может быть, тут сказалось еще давление шведов? Рассмотрим, какую роль играл в событиях Делагарди, особенно при отправлении **посольства Дионисия в Москву**.

¹⁸⁰ ДАИ. Т. 1, № 162. С. 284.

¹⁸¹ Отписка Хутынского архимандрита Киприана с товарищами ... // ДАИ. Т. 2, № 13. С. 33.

Еще в мае и июне 1613 г. Делагарди получил инструкции от короля, что делать, когда Карл Филипп прибудет в Выборг. В инструкции 29 мая король предписывал, чтобы Делагарди отправился к королевичу в Выборг, взяв с собой новгородских полномочных послов и особенно новгородского митрополита, боярина Одоевского и других наиболее знатных лиц. На время отсутствия Делагарди начальство в Новгороде над войском должен принять Эверт Горн. В инструкции 15 июня предписывалось известить о приезде Карла Филиппа в Выборг московских людей и другие государства Российского царства, чтобы они вместе с новгородцами отправили послов к королевичу¹⁸².

Как выполнены были королевские инструкции? Ответ имеем в письме Делагарди к Оксеншерне 6 июля 1613 г. Делагарди пишет, что он не может взять с собой в Выборг митрополита из-за его дряхлости и слабости; не может ехать в Выборг, по словам Делагарди, и князь Иван Одоевский, как крайне необходимый человек при разборе судебных дел; в Новгороде нет никого, кто мог бы заменить Одоевского. В том же письме Делагарди указывает, что задержание новгородских послов архимандрита Никандра с товарищами в Стокгольме, а равно запоздание с приездом Карла Филиппа в Выборг послужили причиной отпадения от шведов Тихвина и Гдова. Как видим, Делагарди проявляет известную самостоятельность.

6 августа Делагарди получил в Новгороде королевскую инструкцию от 18 июня шведским комиссарам для ведения переговоров с русскими в Выборге. Она вызвала в нем чувство раздражения, отразившееся в письме к Оксеншерне 28 августа 1613 г. Делагарди раздражен тем, что по инструкции старшим советником при переговорах с русскими в Выборге назначен Гендрик Горн, а не он, Делагарди; Он просил его оставить в Новгороде. Известно, что Делагарди уклонился от участия в переговорах, бывших в Выборге. Верил ли он в это время в успех дела, посадить Карла Филиппа на московский престол, сказать не можем.

Позднее получение июньской королевской инструкции, затем чувство раздражения, вызванное ею у Делагарди, все это наводит на предположение, что Делагарди вряд ли проявлял большую активность при отправлении посольства Дионисия с дворянами. Силою развертывающихся событий новгородцы принуждались к определенным действиям.

Рассмотрим в заключение, как выполнили послы данные им поручения. Послы отправились из Новгорода в Москву обычным

¹⁸² Кордт В. А. Из семейного архива графов Делагарди // Учен. зап. Юрьев. ун-та. 1894. № 2. С. 1–4.

путем на Торжок. Но уже в Торжке их задержали, как это видно из письма Делагарди королю от 14 сентября 1613 г. (см. выше., Г. З.). Из Торжка, может быть, по указанию из центра, была отправлена 27 августа в Новгород большая грамота: русские из Торжка отрекались от шведского королевича и заявляли, что они не желают иметь его своим государем; у них государь Михаил Федорович¹⁸³.

В дальнейшем послы, Дионисий с дворянами, добрались неизвестными нам путями до Москвы. Но в Москве их постигла новая неприятность: по словам Никиты Калитина, царь посадил послов под **стражу на шесть недель**; выпустил их лишь после того, как они дали подарки дьякам Сыдавному Васильеву и Петру Третьякову¹⁸⁴.

Последующая судьба Дионисия и приехавших с ним дворян нам неизвестна. Ни в Новгороде, ни в Выборге не получали никаких известий о послах. В январе 1614 г. архимандрит Киприан с товарищами, сообщая в Новгород об отъезде Карла Филиппа из Выборга обратно в Стокгольм, жаловались: «...а что вы от себя из Великого Новгорода послали к Москве Отенского монастыря игумена Дионисья с товарищи и что они к вам в Великий Новгород пишут, и какой у вас про них прямой ведом есть или нет: и вы к нам о том не пишете»¹⁸⁵. Впрочем, и писать-то было нечего: посольство оказалось не в силах выполнить порученные поручения. Московские люди от Михаила Федоровича не отреклись. Для переговоров новгородцев со шведами в Выборге это имело роковое значение.

Но посольство не прошло бесследно и для московского правительства. После провозглашения царем Михаила Федоровича московское войско под командой князя Д. М. Черкасского отправлено было к Смоленску. Когда отправление состоялось, указать точно не можем: 9 октября 1613 г. к Д. М. Черкасскому посылается царская грамота о Федоре Леонтьеве¹⁸⁶, значит, в это время Черкасский был уже под Смоленском. Видимо, правительство царя Михаила считало польский фронт наиболее опасным. Из документов, а также из

¹⁸³ Грамота в переводе на немецком языке сохранилась в шведском государственном архиве в Стокгольме в деле об избрании царем Карла Филиппа.

¹⁸⁴ Расспросные речи Никиты Калитина. 1614, февр. // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 9. С. 28. Редактор сборника М. В. Муравьев в примечании к рассказу Калитина поясняет, что речь идет об архимандрите Киприане, Я. Боборыкине и М. Муравьеве. Это неверно: в документе 1614 г. не может быть речи о судьбе Киприана с товарищами, отправившихся в Москву лишь в 1615 г. В феврале 1614 г. Киприан был еще в Выборге. См.: ДАИ. Т. 2, № 14 и № 15; Ср.: *Бантыш-Каменский Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) Ч. 4. С. 147.

¹⁸⁵ ДАИ. Т. 2, № 11. С. 25.

¹⁸⁶ Сб. РИО. Т. 142. С. 424–425.

устных расспросов новгородских послов московское правительство узнало об опасности, надвигавшейся со стороны Новгорода Великого: в Новгороде мог утвердиться другой правитель, грозило полное отделение Новгорода от Москвы. Понятно поэтому, что московское правительство посылает под Новгород военную силу под начальством Д. Т. Трубецкого. Первая грамота, посланная Д. Т. Трубецким из лагеря шведскому фельдмаршалу Делагарди с предложением покинуть Новгород, датирована 18 октября 7122 (1613., Г. З.) г.¹⁸⁷

Правительство царя Михаила с оружием в руках должно было отстаивать исконно русскую область Новгород от шведов. Можно с уверенностью говорить, что посольство Дионисия с дворянами в Москву заставило царское правительство начать военные действия против Швеции, приступить к изгнанию шведов из Новгорода.

Публикация А. Н. Одинокова, Я. Н. Рабиновича

¹⁸⁷ Шведский государственный архив в Стокгольме. 1609–1617. Утверждение В. А. Фигаровского, будто «первая грамота Трубецкого к Делагарди была послана с Андреем Хириным 9 апреля 1614 года» (НИС. Вып. 2. С. 69), объясняется просто неведением источников.

Именной указатель

Södergren J. G., 442

А

Аврамов Василий Тихонович, 451, 454
Альмквист (Almquist Helge), 428
Аминев Исай Федорович, 461
Аминев Федор Григорьевич, 461
Андреев Ирик, толмач, 447
Аникеев Посник, 460
Аничков (Оничков) Михаил, 451
Аничков (Оничков) Семен, 451
Аничков Филон Михайлович, 448
Антоний, игумен, 466

Б

Баклановский Иван Иванович, 428
Бантыш-Каменский Н. Н., 428, 449, 474
Башмаков Казарин, 445
Башмаков Орефа, 460
Белосельский Василий, князь, 451
Белосельский Михаил Васильевич, князь, 441
Бередников Я. И., 428
Бестужев Федор, 423
Боборыкин Егуп Михайлович, 443
Боборыкин Михаил Борисович, 442, 466
Боборыкин Семен, 451, 470
Боборыкин Федор Васильевич, 426, 429, 430, 433
Боборыкин Яков Михайлович, 427, 431, 439, 440, 442–446, 448, 456, 469, 474
Бобровик Степан, 447
Богоявленский С. К., 423, 425
Бойе Ханс (Анц Бой), 423
Большаков Нечай, 447
Боранов Иван Захарьев, 468
Боранов Лука, 434
Брякилев Анц, переводчик, 446
Брюнно Георг, 461
Бук Арн, 446
Бутурлин Василий Иванович, 428, 457
Бутурлин Василий Федорович, 457
Бутурлин Василий, «полоняник», 457
Бутурлин Василий, челобитчик, 457
Бутурлин Никон Федорович, 467
Бутурлин Федор Васильевич, 458, 467

В

Варлаам, игумен, 453
Васенко П. Г., 452
Василий Шуйский, царь, 446, 449, 459, 465
Васильев Андрей, 447, 469
Васильев Сыдавный, дьяк, 474
Вельяшов Нехороший, приказчик, 438
Владислав, польский королевич, 456, 472
Воскобойников Иван, 447
Вышеславцев Никита Васильевич, 448, 453
Вышеславцов Василий, 447

Г

Галленберг (Hallenberg J.), 424
Геннадий, игумен Николы Чудотворца Вяжицкого монастыря, 428, 450, 451, 453, 467
Герланов Иван, 461
Горихвостов Степан Тимофеевич, 448, 453, 468
Горн Гендрик, 473
Горн Эверт, 435, 439, 440, 442, 444, 445, 455, 456, 458, 465, 473
Греков Б. Д., 464
Григорьев Иван, 447
Григорьев Пятой, 449, 451, 452, 464
Густав II Адольф, шведский король, 423, 424, 429, 431, 434, 438, 439, 441, 442, 446, 449, 450, 452, 461, 463, 465, 468, 472
Гюлленшерна (Гюлленельм Карл), шведский фельдмаршал, 457

Д

Данилка красилник, 472
Дедышев Первой, 447
Делагарди Якоб Понтус, 424, 425, 428–430, 432, 433, 435, 438, 439, 441–444, 446, 449, 452, 454–456, 459–463, 469, 471, 473–475
Демидов Истома, 447, 451, 453, 469
Дионисий, игумен, 422–427, 430, 432–438, 450, 451, 470, 473–475
Дмитрий (Лжедмитрий II), самозванец, 464
Дубровский Богдан, 429, 430, 451, 468, 470

Е, Ж, З

Замятин Г. А., 422, 450, 461, 463
Зеленин Дмитрий, 460, 461
Зерцалов А. Н., 442
Зиновьев Василий, 454

И, Й

Иван, игумен, 453
Иванов Мокей, 454
Игнатъев Ждан, 469

Иголкин Иван Юрьев, 460, 462
Иголкин Степан Юрьев, 460, 462–464
Исаев Григорий, 422
Исайко, котелник, 472
Исидор, митрополит, 422, 423, 425, 428–431, 434, 435, 437–440, 443, 444, 447, 449, 451, 452, 455, 465, 466, 470–473

К

Калитин Никита, 461, 469, 474
Карл Филипп, «Карлус Филипп Карлусович», шведский королевич, 422–431, 434–441, 448–452, 455, 456, 459, 462–464, 466–470, 472–474
Карл IX, шведский король, 427, 428, 432, 437, 449, 463, 472
Кернозицкий Иван (Ян), 465
Киприан, архимандрит, 423, 425, 427, 432, 434–437, 440–443, 448, 450, 452, 453, 456, 459, 470, 472, 474
Клементьев Михаил, 446
Клементьев Первой, 447
Ключевский В. О., 452
Коброн Самуил (Самойла Кобрин), 430, 431, 444, 450, 467, 468, 470, 471
Коковцев Гость Микифоров, 450, 469, 471
Кокорев Борис, 423, 440
Коласцов Мокей, 447
Колычев Полуект Матвеевич, 459, 466
Копнин Петр Третьяков, 460
Копнин Третьяк, 459, 464
Копнин Юрий Третьяков, 431, 459, 460, 464, 466
Кордт В. А., 424, 433, 473
Корзихин Максим, 447, 469
Корсаков Елизарий, 434, 436, 468
Кропоткин Василий Петрович, князь, 456, 457, 465
Кропоткин Иван Васильевич, князь, 456
Кропоткин Михаил, князь, 451
Кропоткин Никита, князь, 465, 466, 470
Куколкин Михаил, 436

Л

Ласковская М. Ф., 433
Левашов Федор Васильевич, 431
Леонтий, игумен, 450, 453, 467
Леонтьев Федор, 475
Лисовский Александр Иосиф, 465
Лодыгин Дмитрий Васильевич, 448
Лупандин Богдан, 427, 435
Лупандин Угрим, 427, 430, 431, 435, 446, 448, 468, 469
Лупандины, 432, 436, 457, 467, 468, 470
Лутохин Иван Захарьевич, 454

Лутохин Петр Семенович, 422, 425, 436, 451
Лутохин Семен, 422, 423, 437, 439, 440, 444, 449, 452, 453
Лутьянов Безсонка, 443
Лыжин Н. П., 440
Любомиров П. Г., 440, 457, 458

М

Майков В. В., 427, 464
Малиновский А., 422–425
Мезецкий Андрей, князь, 458
Мезецкий Данила Иванович, князь, окольничий, 430, 431, 442, 445, 447, 450, 454, 458, 471
Мезецкий Данила, князь, 458
Мезецкий Михаил, князь, 458
Меррик Джон, английский посол, 447, 454
Мешерский Никифор Кудеяров, князь, 439, 450
Мешерский Юрий, князь, 427, 435, 436
Милюков Никита Иванович, 468, 470
Михаил Федорович Романов, царь, 422, 426, 430, 432, 433, 435, 436, 442, 455, 456, 474, 475
Михалка кожевник, 472
Молоков Третьяк, 447
Мортенсон Монс (Монша Мартынов), 446, 459
Мотякин Василий, 451
Муравьев Матвей Шавруков, 427, 445
Муравьев М. В., 433, 474
Мышецкий Ефим Федорович, князь, 451, 454, 456, 466, 468, 470, 471
Мышецкий Мурза, князь, 434, 459
Мякинин Курап, 425, 436

Н

Нарбеков Богдан, 427, 432, 435
Нарбеков Парфений, 427, 431, 432, 435, 468
Нарбеков Самойло, 427, 432, 435
Нарбековы, 432, 436, 457, 467, 468, 470
Негановский Григорий, 470, 471
Неплюев Василий Федорович, 431
Никандр, архимандрит, 423, 431, 434, 436, 437, 459, 461, 466, 473
Никифоров Андрей, дьячок, 447
Никифоров Гавриил, 454
Никифоров Иван, 454
Новокщенов Воин Афанасьевич, 422, 425, 436

О

Оболенский Черный (Черново-Оболенский) Федор Тимофеевич, князь, 428, 450, 467–470

Оболенский К. М., 443
Одоевский Иван Иванович, князь, 431
Одоевский Иван Никитич, князь, боярин, 422, 423, 425, 428, 429, 431, 432,
434–441, 443, 444, 449, 450, 452, 455, 466, 470, 472, 473
Оксеншерна Аксель, шведский канцлер, 433, 471, 473
Олферов Богдан, 451
Отрепьев Смирной Елизарьевич, 449

П

Павел, игумен, 450, 453
Пересветов Мурат, 454, 470
Плавков Петр Данилов, 447
Платонов С. Ф., 427, 452, 453
Плещеев Федор Кириллович (Смердов), 431
Погожий Исаак, 467
Пожарский Дмитрий Михайлович, князь, 428, 429, 457
Поливаев Степан, 447, 454
Полосин И. И., 453
Попов Семен, 454
Пристальцов Томило Михайлов, 442, 443, 446–448, 454, 463, 471
Прокофьев Иван, 464
Прокофьев Степан, 464
Прокофьев Первой (Первушка), 447, 448, 453, 464, 465
Путятин Иван Семенович, князь, 452, 454

Р

Резанов (Рязанов) Овсей (Евсей) Дмитриев, 423, 434, 465, 466
Роман, новгородец, 459
Рябинин И. С., 423, 465

С

Саблер Г., 448, 457, 461, 469
Самойла Кобрин, см. Коброн Самуил
Секерин Иван Борисович, 422, 425, 436, 450, 451
Секерин Порфирий Иванович, 428, 429
Семенов Григорий, 454
Семенов Меншик, 447
Сергеев Иван, 465
Сергеев Томила, 448, 452
Сигизмунд III, польский король, 456
Симогов Василий, 465
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, князь, 459
Сласницын Докучай, 447, 468, 469
Собакин Григорий, 447
Спячий Степан, 451
Судаков Гордей, 459

Судаков Михаил, 459
Сухотин Л. М., 430

Т

Татищев Степан Лазаревич, 429
Терех сапожник, 472
Тетерин Дмитрий, 447
Тимофеев Иван, дьяк, 452, 453
Третьяков Петр, 446, 474
Трифон, архимандрит, 466
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь, 429–431, 443, 444, 450, 455, 467, 471, 475
Трусов Василий Иванович, 448, 453, 468

У, Ф

Феодосий, дьякон, 466
Фигаровский В. А., 425, 429, 443, 445, 456, 457, 463, 475
Филарет, келарь, 453
Филарет, патриарх, 442
Филатов Иван, 442, 443, 455, 456
Флерих Ганс (*Hans Flörich*), 433
Форстен Г. В., 424, 435, 439, 441, 455, 462, 463, 471

Х, Ц, Ч

Хамов Григорий, 447, 454
Харламов Иван, 464, 471
Харламов Игнатий Жданов (Харитонов), 448, 468
Хахин Тимофей, 471
Хирин Андрей, 443, 475
Хмелевик Томила, 447
Хованский Иван Федорович, князь, 443
Ходкевич Ян Кароль, литовский гетман, 429
Частохин Родион, 454
Черкасский Дмитрий Мамстрюкович, князь, 475
Чихачев Петр, 444

Ш, Щ, Э, Ю, Я

Шатилов Данила, 440
Шаум Матвей, 449, 472
Шорин Богдан Григорьевич, 471
Шишкин Федор, 428
Якубов К. И., 464
Яковлев А. И., 452

Указатель составлен Я. Н. Рабиновичем

Ф. И. Л. Мейер

[НОВГОРОДСКИЕ ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ]

Мейер Фридрих Иоганн Лоренц (1760–1840) – немецкий религиозный деятель, юрист, писатель-путешественник. Родился в Гамбурге в семье винооторговца, в 1778–1784 гг. изучал юридические науки в Гёттингене, Швейцарии, Италии и Франции. По возвращении в Гамбург работал адвокатом. В 1784 г. он стал каноником Гамбургского соборного капитула, а затем был избран его председателем.

С 1785 г. он был активным членом Гамбургского общества по поддержке искусств и полезных ремесел; в 1789–1793 гг. заведовал библиотекой общества, а в 1790–1825 гг. руководил его секретариатом и занимался изданием писем общества.

Мейер был приверженцем идей французского Просвещения и состоял в дружеских отношениях с известным в то время поэтом Ф. Г. Клопштоком, поборником идей Французской революции. В 1790 г. Мейер вместе с ним организовал праздник в честь годовщины штурма Бастилии. В 1796 г. он посетил Францию в составе делегации Гамбурга на переговорах с Директорией об отмене эмбарго. В 1801 г. он вновь побывал во Франции с делегацией, которая вела переговоры с первым консулом Наполеоном.

Мейер занимался изучением старины и памятников искусства и был автором нескольких работ, написанных в жанре путевых заметок об Италии, Франции, Германии и России*.

* Подробнее о нем см.: *Riedel K. V. Friedrich Johann Lorenz Meyer 1760–1844. Ein Leben In Hamburg zwischen Aufklärung und Biedermeier, Veröffentlichung des Vereins für Hamburgische Geschichte. Hamburg, 1963. Bd 17.*